

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ОТКРЫТИЯ**

**ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ**

**«ПЯТАЯ
КОЛОННА»
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

**ИСТОРИЯ В ПРЕДАТЕЛЬСТВАХ
И ИНТРИГАХ**

Валерий Евгеньевич Шамбаров
«Пятая колонна» Древней Руси.
История в предательствах и интригах
Серия «Исторические открытия»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18399483
«Пятая колонна» Древней Руси. История в предательствах: Алгоритм; Москва; 2016
ISBN 978-5-906817-38-9

Аннотация

Если обратить пристальный взгляд на историю Древней Руси, без труда можно заметить, что и в те времена существовали политические силы, заинтересованные в раздробленности и вечной вражде славянских племен и в слабости русской государственности. Встречались также деятели, которые ради собственной корысти предавали интересы родной земли, сплетая хитроумные заговоры и идя на любые преступления. Стоит вспомнить хотя бы Святополка Окаянного и убийц Андрея Боголюбского, тайных и явных противников Александра Невского и Дмитрия Донского, подрывную деятельность униатов и ересь жидовствующих. Всем этим и многим другим историческим персонажам и событиям посвящена новая книга Валерия Шамбарова, который счел возможным и оправданным применить к ним термин, возникший в XX веке.

Содержание

От автора	5
Клубок первый	6
Клубок второй	14
Клубок третий	20
Клубок четвертый	27
Клубок пятый	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Шамбаров
«Пятая колонна» Древней Руси.
История в предательствах и интригах

© Шамбаров В.Е., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

От автора

Термин «пятая колонна» родился в 1936 г., в период гражданской войны в Испании. Генерал Мола (по другой версии – генерал Варела) заявил, что наступление на Мадрид ведется четырьмя колоннами, но в самом Мадриде существует пятая, которая в решающий момент ударит в спину защитникам. Это выражение попало в газету «Нью-Йорк Таймс», обрело широкую известность. Словосочетание «пятая колонна» оказалось запоминающимся и эффектным, превратилось в устойчивый фразеологизм. В годы Второй мировой войны «пятой колонной» стали называть сторонников нацистов, действующих в различных странах.

Впоследствии термин приобрел обобщенное значение – некие внутренние силы, сочувствующие и помогающие внешним врагам. Но обычно данное понятие относят к новейшим временам. Хотя такое ограничение оказывается чисто условным. Если рассмотреть историю нашей страны, то и в самом далеком прошлом можно найти фигуры, которые жертвовали интересами своей страны и народа. Ради личных амбиций и выгод подыгрывали чужеземцам и иноверцам. То есть вполне соответствовали понятию «пятой колонны».

Клубок первый Святополк Окаянный

Предательство существовало среди людей с древнейших времен. Примеры мы можем найти и в Ветхом Завете, и в мифологии разных народов, и в исторических источниках. Люди изменяли своим царям, начальникам, покровителям, родственникам. Бывало и так, что изменяли всему своему народу. Иногда из корыстных соображений – пускай покоряют твоих соплеменников, но лично ты погреешь на этом руки или окажешься в привилегированном положении. Хотя случалось, что изменяли и без всякой корысти. Заражались чужой культурой, обычаями. Считали их более престижными, чем родные, и ради этого перекидывались к иностранцам.

В VI в. до н. э. в Скифии даже один из царей, Скил, увлекся иноземными нравами и модами. Он повадился ездить в греческую колонию Борисфениду. Подолгу оставался жить там, построил себе в городе дворец. Эллинская культура совершенно пленила его, он одевался в греческую одежду, завел жену-гречанку. Открыто заявлял, что образ жизни эллинов для него милее и привлекательнее, чем традиции его народа. Скил изменил и верованиям скифов, приносил жертвы в храмах Борисфениды, участвовал в чужих религиозных обрядах. Но однажды скифы узнали, что их царь в торжествах Диониса прыгает и беснуется в процессиях вакхантов. Вся страна восстала, Скила свергли и убили.

Впоследствии римская и византийская дипломатия очень хорошо научилась выискивать подходящие кандидатуры среди сарматских, германских, славянских вождей, переманивать их на свою сторону – кого лестью, кого подарками, кого политическими выгодами, обещаниями поддержки. Такими способами неоднократно организовывались заговоры против гуннского царя Аттилы. Император Маврикий в пособии по воинскому искусству, «Стратегиконе», откровенно поучал, как привлекать к себе и обрабатывать славянских «царьков», ссорить их между собой.

Однако выискивать и разбирать все предательства в отечественной истории было бы, наверное, просто нереально. Мы начнем с периода Киевской Руси. Периода вполне «исторического», достаточно полно освещенного и русскими летописями, и зарубежными хрониками. И первой яркой фигурой, которая попадает в поле нашего внимания, оказывается князь Святополк по прозвищу Окаянный. Впрочем, способности по части измены у него были наследственными. Такие качества проявил уже отец князя, Ярополк.

В 969 г. великий воин и государь Руси Святослав Игоревич отправлялся на Балканы. В Киеве он оставил княжить малолетнего сына Ярополка, в Древлянской земле – Олега, в Новгороде – побочного сына Владимира. Наследником никто из них не назначался. Великое княжение Святослав оставлял за собой, он лишь намеревался перенести столицу на Дунай. Но в войне с византийцами он понес тяжелые потери. Начались переговоры. С русской стороны их вел воевода Свенельд, с греческой – глава внешнеполитического ведомства епископ Феофил. Был заключен договор, согласно которому русские обязались уйти на родину. Но за это они сохраняли выход к морю, увозили несметные трофеи, греки выплачивали им субсидии, замаскированную дань. Также обязались способствовать, чтобы печенеги, византийские союзники, пропустили Святослава по Днепру.

Реальность стала иной. Тот же епископ Феофил ездил к печенегам и фактически оповестил их – русских осталось мало, они везут несметную добычу. Обрадованные печенеги не скрывали, что обязательно нападут. Сообщать об этом Святославу греки не стали. Ну а русский государь отправил Свенельда с конной дружиной степным путем. Сам плыл на лодках с пешими ратниками – везли раненных, больных, огромные богатства. Начали подниматься

по Днепру и обнаружили: возле речных порогов поджидают орды степняков. У поредевших отрядов шансов пробиться не было. Вернулись к устью реки.

Зазимовали на Белобережье – Кинбурнской косе, в рыбацких землянках. Голодали, бедствовали, умирали. Ждали подмоги из Киева, Свенельд должен был прислать ее.

Но воевода предал. В Киеве сидел князем Ярополк, ему было 10–11 лет. При мальчике-князе привыкли хозяйничать бояре, и Святополк легко нашел с ними общий язык. Кстати, можно вспомнить, что главный мастер византийских интриг, епископ Феофил, вел переговоры именно со Свенельдом. А потом поехал к печенегам... Случайное ли совпадение? Нет, не верится в такие случайности.

Ярополка воевода захватил под свое влияние. Каким образом, мы не знаем, но фактически мальчик согласился на переворот. Русские воины бедствовали на Белобережье, умирали от болезней, а помощи не было. По весне, измученные и ослабевшие, решили идти на прорыв. Все еще надеялись, что теперь-то киевляне ударят навстречу, расчистят путь. Нет, не было киевлян. Свенельд и Ярополк не прислали их. А печенеги схитрили. Сделали вид, будто отступили от порогов, а то как бы Святослав не ушел по морю к другим берегам. Но, когда русичи разгрузили ладьи и стали перетаскивать их волоком в обход порогов, налетело вражье воинство. В последней отчаянной рубке сложили головы и сам князь, и все его верные воины.

Ярополк оказался узурпатором, да еще и отцеубийцей. От его имени правили Свенельд и киевская верхушка. Другие сыновья Святослава тоже были еще детьми. Олегу исполнилось лет 9-10, Владимиру и того меньше. Но приставленные к ним бояре киевского правительства не признали. Переворот не одобрило и большинство народа, в его памяти Святослав остался эпическим героем, победителем хазар и греков. В результате Русь раскололась. Западные и северные земли приняли сторону Олега. Ему подчинился и брат Владимир, то есть новгородцы, чью позицию символизировал Владимир.

Чтобы удержаться, Свенельд искал поддержку среди врагов Руси. Подтолкнул Ярополка заключить союз с печенегами. Князь наводил дружбу с непосредственными убийцами его отца! Да какая разница, если помощь степняков может понадобиться против древлян, новгородцев, против братьев? Альянс с печенегами никак не мог состояться без благословения Византии. Но императора Цимисхия новая власть в Киеве вполне удовлетворяла. А Свенельд предпринимал меры для дальнейшего сближения с Константинополем. Когда Ярополк подрос, временщик женил его якобы на пленной греческой монахини. Хотя Святослав и Свенельд, заключая мир, возвратили всех пленных византийцам. Смело можно предположить, что монахиня (на Руси ее называли Преслава) являлась шпионкой. Она была значительно старше мужа, могла регулировать его. При ней во дворце появились другие греческие соглядатаи.

В 977 г. Свенельд и Ярополк нанесли внезапный удар по соперникам. Брат князя Олег был разгромлен и погиб. Владимир и его дядя Добрыня вынуждены были бежать за море. Но решающей оказалась позиция простого народа. Когда Свенельд умер, Владимир возвратился на родину. Выяснилось, что его ждали. Новгородцы, кривичи, чудь, весь сразу же приняли его сторону. Потом к нему начали переходить другие племена и города. Поход на Киев в 980 г. обошелся вообще без боев. А Ярополк боялся даже остаться в собственной столице, не доверял подданным. Сбежал в крепость Родню, был осажден.

Приближенный Варяжко советовал Ярополку: «Не ходи, государь, к брату, ты погибнешь. Оставь Русь на время и собери войско в земле печенегов». Как видим, последним верным слугой князя был иноземец, и даже бежать ему было некуда, кроме как к печенегам, навести на Русь кочевников! Но другой советник, Блуд, уговорил князя сдаваться. Он поехал к брату, и поджидавшие в сених наемники-варяги пронзили его мечами.

Казнили его по закону, как соучастника переворота, отцеубийцу, братоубийцу? Уже позже, при Ярославе Мудром, «Русская правда» в первой статье гласила: «Кто убьет человека, тому родственники убитого мстят за смерть смертию». Владимир исполнил закон. А жена Ярополка Преслава в это время была беременной, и победитель включил ее в число своих жен. Это было не извращением, не проявлением похоти, а тоже по закону. Ведь супруга не отвечала за преступления мужа, и государь поступил, как требовало языческое славянское право – брат наследует вдову брата. С гречанкой он не жил как с супругой (она была старше Владимира лет на 12–15), но принял в семью, содержал наравне с другими женами и признал своим ее сына Святополка. На Руси таких детей называли «сыновьями двух отцов».

Миновало несколько лет, и в 988 г. Св. Равноапостольный великий князь Владимир Святославич утвердил в Киеве христианство. При этом вступил в брак с византийской царевной Анной. Но у него было уже несколько языческих жен и родившихся от них детей. Их требовалось удалить, и государь поступил так же, как его отец: назначил сыновьям уделы. А матерей разослал вместе с детьми. При этом восьмилетнему Святополку и Преславе достался Туров, земля племени дреговичей.

Можно отметить, что государь отнюдь не обидел приемного сына. Его удел был обширным и плодородным, охватывал южную часть Белоруссии. Княжество было куда более благоустроенным, чем глухомань Суздаля или Ростова, в 1006 г. здесь была учреждена самостоятельная епархия. Кроме Турова, во владения Святополка попали города Пинск, Брест. Но рядом со Святополком находилась его мать. Уж она-то теплых чувств к Владимиру никогда не питала. Пока жили в Киеве, приходилось придерживать язык. А в Турове мать и ее окружение обрабатывали Святополка по полной программе.

Что ж, русские умельцы строили чудесные хоромы – светлые, жизнерадостные, украшали их затейливой резьбой. Таким был и туровский дворец. Но наполняли его злоба и ненависть. Святополку вдальбивали, как узурпатор-дядя коварно сверг и убил его отца. Какое блестящее положение он занимал бы при Ярополке – первенец, наследник! Святополку перевалило за 30, однако мать цепко держала его под своим влиянием, даже не позволяла жениться. Для истинного наследника киевского престола любая боярская дочка выглядела неподходящей партией...

А по соседству лежала Польша. Там правил король Болеслав Храбрый, могущественный и крайне воинственный. Он покорил Чехию, громил немцев, литовцев, полабских славян – лужичан и лютичей. Лютичи и чехи объединились с германским императором Генрихом II, дали отпор. Тогда Болеслав обратился к св. Владимиру. Предложил союз против немцев и посватался его к дочери Предславе. Нет, русский государь отказался. Он не хотел вступать в совершенно ненужную войну, а дочку и просто пожалел – Болеслав был уже стариком. А по комплекции чрезвычайно толстым, он даже передвигался с трудом. Залезть в седло ему помогали слуги.

Зато воевать он готов был с кем угодно, без разницы! Отказом он оскорбился. Немедленно заключил мир с той же самой Германией, с которой только что дрался, и в 1013 г. полез на Русь. Однако богатыри у св. Владимира были крепкими, дружины спаянными и отлично обученными. Полякам сразу же крепко всыпали, и Болеслав в скором времени смекнул, что он, пожалуй, погорячился. Заюлил, предложил в переговоры. Св. Владимир был совсем не против прекратить драку: не он ее начал. Условились с соседом обставить мир попрочнее, по-родственному, и свадьба все-таки состоялась. Но уже не короля и молоденькой княжны. Теперь Болеслав предложил выдать собственную дочку от первого брака за туровского князя Святополка. Договор подписали, молодых обвенчали. Как водится, попиروвали, попели, поплясали.

Хотя у Болеслава храбрость отнюдь не сочеталась с честностью и благородством. На самом деле, его ход был мастерски рассчитанной диверсией. О настроениях Святополка он

отлично знал, жили-то рядом. К невесте прилагался духовник. Причем не простой, а королевский, колобжегский епископ Рейнберн. Когда отгремели торжества и гости разъехались, он от имени Болеслава выложил Святополку далеко идущие предложения. Не пора ли князю отделиться от ненавистного дяди? Перейти под руку любезного тестя? Разумеется, вместе с Туровским княжеством. Заодно и веру сменить, перекинуться под эгиду римского папы. В общем, выстрел был нацелен точно. Попал в «яблочко». Святополк загорелся.

Но ведь и Владимир Красно Солнышко находился у власти не первый день. Плохим он был бы государем, если бы не знал: в Турове очень и очень неладно. Плохим был бы государем, если бы не присматривал через верных людей за Святополком и его окружением. Вызреть заговору он не позволил. Как только открылось, что «сын двух отцов» подговаривает ближних бояр изменить, Владимир рассудил, что его отцовские обязанности к приемышу исчерпаны. Дружинники нагрянули внезапно и арестовали теплую компанию. Привезли в Киев, королевну устроили деликатно, при дворе. А Святополка с Рейнберном определили туда, где и положено находиться предателям, – в темницу. Епископ такого потрясения не перенес, в тюрьме скончался.

Казалось, спокойствие на Руси наладилось, ан нет... Подал голос Новгород. Город богатый, край обширный, и подать он платил немалую – 3000 гривен серебра в год. Треть шла на содержание местного князя и его дружины, две трети отправлялись в Киев. Новгородские бояре давно роптали, а надо ли платить? На ком стоит вся Русь, как не на новгородцах? Разве не Новгород призвал Рюрика, шел на Киев под знаменами Вещего Олега, возвел на киевский престол самого Владимира? И где же благодарность?

Правил здесь сын государя Ярослав, позже он получит прозвище Мудрого. Он был молодым, горячим. Возглавлял новгородцев в победоносной войне против шведов, женился на шведской принцессе Ингигерде. Местные бояре подзуживали князя. Столица и без того купается в роскоши, неужто сами не нашли бы, куда деньги девать? Храмы и дворцы отгрохали бы не хуже киевских! Ярославу их доводы показались резонными. В 1014 г. он отписал отцу, что дани присылать не будет.

Владимир рассердился. Пригрозил ослушнику, что приведет его к порядку силой. Но нашла коса на камень. Гнев отца Ярослав расценил как незаслуженный, в свою очередь завелся. Да ему и стыдно было бы отступить – перед новгородцами, перед молодой супругой. Отрезал: не будем платить и все. Строптивость зашкалила через край, и св. Владимир велел собирать войско. Намеревался ли он сражаться против сына? Факты показывают, что нет. Он отлично знал, что кашу заварили новгородские бояре, жалевшие свои кошельки. Знал и другое: эти бояре тоже не захотят войны. Ведь при осаде могли погибнуть их дома, богатства, разорались бы их села.

Они пытались лишь припугнуть, выторговать поблажки. Схватки с печенегами научили киевлян мгновенно поднимать полки. Государь имел возможность выступить сразу же, по удобной зимней дороге. Но рать собиралась и толкалась в Киеве всю зиму и весну... Владимир давал Новгороду время одуматься. Бояре осознают, что он не уступит, закинут удочки для переговоров.

Но измена Святополка и выходка Ярослава заставили великого князя задуматься о другом... Сыновей у него было много, от разных матерей, разного воспитания. Но ведь формально старшим числился Святополк! Хотя в ту эпоху наследником становился не обязательно старший сын. В Германии преемника королей и императоров выбирал съезд князей, а в Византии и Болгарии монархи сами определяли преемников. Нередко греческие и немецкие императоры еще при жизни короновали наследников, назначали их соправителями, чтобы передача власти прошла без потрясений.

Владимир решил поступить аналогично. Он вызвал к себе сына от жены-болгарки, Бориса, правившего в далеком Ростове. Именно ему великий князь намечал оставить пре-

стол. Пускай будет рядом, входит в хитросплетения киевской политики, приучается к государственным масштабам. А бояре, войско, другие сыновья пускай привыкают, что вот он, будущий правитель. Борис приехал радостный, одухотворенный. Соскучился по отцу, по родным, по красивым киевским храмам. Воевать с Ярославом Борис и подавно не был настроен, относился к нему с уважением. Да и вообще евангельское сознание Бориса не вмещало, что можно скрестить оружие с родным братом. Он же не враг Руси, не чужеземец!

За Ярослава заступалась перед отцом и дочка Предслава. Она дружила со старшим братом, переписывалась с ним. Мало ли с кем не бывает – погорячился, советники попутали. Великий князь размышлял, как лучше ликвидировать конфликт. Если войско выступит, новгородцы в любом случае пойдут на попятную. Тут-то Ярослав сам поймет, чего стоят их подзуживания. Да и миролюбивый Борис поможет усостыжить брата. Можно будет пойти и на уступки новгородцам, но не сразу. Выждать, чтобы поклонились, повинились... Воплотить эти замыслы государь не успел.

Ход дальнейших событий показывает, что заговор стал сплетаться в самом Киеве. Основу его составило столичное боярство. В великой и могущественной державе, собранной стараниями св. Владимира, оно тоже усиливалось, богатело. Наследственные угодья дополнялись наградами и новыми пожалованиями от государя. Но сильная централизованная власть, которую утверждал великий князь, стесняла и раздражала аристократов. Не лучше ли жить, как на Западе? Как польские паны или венгерские бароны? Бояре не забыли, как их отцы при слабеньком Ярополке заправляли всей страной. Сейчас в тюрьме сидел его сын...

Приезд св. Бориса и разговоры, что он будет провозглашен наследником, подстегнули изменников. Великий князь был еще совсем не стар, ему едва перевалило за пятьдесят. Здоровье у него было отменное, ни разу и нигде не упоминалось о его болезнях, он постоянно бывал в походах, на коне. А весной 1015 г. внезапно расхворался. Была ли вызвана его болезнь естественными причинами? В этом можно усомниться. Уж как-то все слишком «своевременно» сложилось.

Крамольникам было необходимо удалить из Киева собравшуюся армию, и поступило ложное донесение о нападении печенегов. Инспирировать его не составило труда: среди заговорщиков состоял главный воевода Владимира, Волчий Хвост. Государь поручил войско св. Борису – вот ему и первое поручение в роли «правой руки» отца. Подчеркнем: состояние великого князя в этот момент не вызывало никаких опасений. В противном случае разве сын оставил бы его? Но едва армия ушла, самочувствие св. Владимира резко ухудшилось. 15 июля Креститель Руси предал душу Господу...

Заговорщики разыграли первый в истории киевский «майдан». Вывели толпы собственных слуг, овладели столицей. Из тюрьмы выпустили Святополка и посадили на престол. Законностью себя никто не утруждал, дело решали кулаки, ножи и луженые глотки. От киевлян волеизъявление св. Владимира скрыли, а от остальной страны скрыли даже факт его смерти. Святополк первым делом принялся раздавать казну, накопленную приемным отцом, расплачивался со сторонниками, вербовал новых. Св. Борис бесцельно проблуждал по степям и возвращался назад. Неожиданно узнал о перевороте, предатели-воеводы увели от него полки, а Святополк Окаянный прислал убийц. Он решил избавиться от всех сводных братьев. Другой отряд настиг и прикончил Святослава Древлянского, пытавшегося скрыться за границей. Св. Глеба выманили из Муром. Сообщили не о смерти, а о болезни отца. Когда он помчался в Киев, убийцы поджидали на дороге.

Но Ярославу Мудрому сестра Предслава сумела переслать письмо о том, что произошло в столице. А исход противостояния очередной раз решили не бояре, не знать. Решила позиция русского простонародья. Оно еще не знало обо всех деталях злодеяний, но душой почувствовало, на чьей стороне правда. Новгородцы в это время как раз разругались с Ярославом, восстали против него. Однако услышали о перевороте и решили отбросить преж-

ние счета. Собирали деньги, вооружались. А Святополк Окаянный был все-таки неглупым человеком. Он отдавал себе отчет: народ не на его стороне. Наступать на Новгород он даже не пытался. Для обороны заключил союз извечными врагами Руси, с печенегами. Св. Владимир воевал с ними четверть века, и замирился никак не удавалось. Зато у узурпатора затруднений не возникло. Приходите, друзья дорогие!

Обе стороны сошлись поздней осенью 1016 г. на Днепре у Любеча. Холодная река разделяла противников. Киевлян было значительно больше, и к тому же у них были профессиональные воины – дружины столичных бояр, печенеги. Ярослав привел вооруженных простолудинов. Над ними насмехались, воевода Волчий Хвост ездил по берегу и орал: «Эй вы, плотники, зачем пришли сюда со своим хромым князем?». Но многие киевские дружинники сочувствовали Ярославу, пересылались и подсказывали, куда лучше ударить. А Святополк силился возбудить симпатии воинов к себе, подогреть боевой пыл иными средствами. Крепко поил их каждый вечер.

Новгородцы постановили: любого струсившего считать изменником и убивать. Переправились ночью и оттолкнули лодки, сами себе отрезая путь к отступлению. Обвязали головы платками, чтобы различить в темноте своих, и навалились на пьяный стан. Засверкали топоры и мечи. Разгром был полным... Святополк в панике удрал в Польшу, бросил жену в Киеве. А столица, лишившись такого князя, даже не думала сопротивляться. Ярослав вступил в Киев. Организовал поиск и захоронение мощей святых страстотерпцев Бориса и Глеба.

Хотя борьба отнюдь не завершилась. Святополк прискакал к Болеславу Храброму, просил подсобить. Расплатился щедро. Подмахнул договор, отдававший Польше Червонную Русь. То есть Прикарпатье. Там были месторождения соли. В средние века – продукт очень дорогой, без соли нельзя было приготовить впрок мясо, сало, рыбу. Поэтому Прикарпатье очень интересовало и короля, и его финансистов, польских евреев. Правда, поначалу Болеслав не мог помочь зятю. Он был занят очередной войной с германским императором. А тот оценил ситуацию, направил посольство к Ярославу Мудрому, заключил с ним союз. Но реализовать его не успели и не сумели. Поляки навалились на немцев, разбили их вдребезги. Император принял все условия, которые ему продиктовали. Не только отдал несколько областей, но и отрекся от дружбы с русскими. Наоборот, выделил отряд германских рыцарей для похода на Киев.

Кроме немцев, Болеслав позвал венгров, а Святополк пригласил печенегов. В 1018 г. огромная рать хлынула на восток. В Киеве тоже действовали сторонники сбежавшего князя. Кто-то устроил поджог, причем целенаправленный, фортификационных сооружений. Сильнейший пожар уничтожил часть стен и башен. А для Ярослава столь массированное вторжение стало неожиданным. Он спешно собрал ратников, встретил врага на берегах Буга. Но Болеслав был опытным воином, он схитрил. Встал лагерем, начал строить мост. Ярослав счел, что пока все идет отлично, он выигрывал время, к нему успеют подтянуться отряды из отдаленных городов. А русские витязи видели: пока строительство не завершено, можно расслабиться. Но река на летней жаре обмелела, король велел скрытно промерить глубину. Выбрав подходящий момент, ринулся вброд.

Наши воины даже не успели изготавиться. Лавина врагов расшвыряла их. Ярослава спасли прикрывшие его дружинники и быстрота коня. Но на верность столичного боярства ему рассчитывать не приходилось, он помчался на север. Добрался до Новгорода лишь с четырьмя спутниками. Он был разбит не только физически, но и морально. Была ли у него надежда одолеть объединенные силы Святополка, поляков, печенегов? Казалось, что остается лишь эмигрировать. Он велел готовить ладьи, плыть к родственникам жены, шведам. Но вздыбились новгородцы. Ладьи они демонстративно изрубили и объявили: «Мы хотим и

можем еще противиться Болеславу. У тебя нет казны – возьми все, что имеем». Ввели дополнительный налог, снаряжали ратников.

А Южная Русь очутилась во власти победителей. Города, видя бесчисленные полчища и не надеясь на подмогу, сдавались. Лишь один оказал сопротивление, его взяли приступом, всех жителей от мала до велика Болеслав продал в рабство. В Киеве сгоревшие стены еще не восстановили, а бояре изменили. Убеждали население, что пришли «освободители». 14 августа городская верхушка торжественно встретила Болеслава и Святополка, принесла присягу братоубийце. Начались репрессии. Хватали противников Святополка и тех, кто выдвинулся при Ярославе, казнили, обращали в неволю. В руках захватчиков оказались и сестры Ярослава, Предслава и Доброгнева. Раскрылась история, как Предслава помогала брату, и Болеслав придумал для нее особую кару. Сделал своей наложницей. Недавно св. Владимир отказал королю в сватовстве, теперь княжну силой уложили под королевскую тушу.

Но... Святополк и его сторонники получили совсем не то, чего хотели. Потому что Болеславу очень понравилась богатая и красивая русская столица. Куда лучше, чем польские городишки и сырые, прокопченные факелами замки. Имело ли смысл довольствоваться Прикарпатьем? В его распоряжение попало куда больше. На словах король признавал зятя «законным» князем, но на деле перестал с ним считаться. Уходить он теперь не собирался. Попросту оккупировал Киев и окрестные города, развернув откровенный грабеж. Обчищал казну, храмы.

Рядовые поляки вели себя аналогично. Они же были победителями! По дворам трещали взламываемые сундуки и двери кладовых, визжали убиваемые свиньи, мычали коровы, кудахтали куры. Насиловали девок и молодых. Против меча не попрешь! Но мечами запугивали днем, а ночью поляки засыпали, и русичи взялись за ножи. На улицах обнаружались трупы. Кто, как? А никто не знает. От ночи к ночи убитых становилось все больше. Поляков очень радушно принимали киевские евреи, скупали у них награбленную добычу и русских рабов. Но и на евреев нашла напасть, их дома начали поджигать.

А Святополку вообще с двух сторон припекло. С одной – король, перехвативший у него власть. С другой – нарастающая русская ярость. Князю показалось, что он придумал выход. Шепнул приближенным, пускай распускают слухи, будто он сам борется против поляков. Но приближенные у него были под стать господину, сразу заложили Болеславу. Тот возмутился столь черной неблагодарностью. А польское войско таяло, и король счел за лучшее все-таки распрощаться с Киевом.

Из города выполз огромный обоз. Увозили такие богатства, каких в Польше отродясь не видели. Болеслав увозил пленных, забрал с собой двух княжон: юную Доброгневу, самую младшую из дочерей св. Владимира, и растоптанную Предславу. Но и столичные изменники сообразили, что дела у Святополка совсем тухлые. Некоторые надеялись выкрутиться перед Ярославом. А те, у кого рыло было совсем запачкано, присоединились к королю, уезжали с семьями, возами барахла навсегда. От Руси поляки отчленили те районы, которые надеялись удержать – Прикарпатье и Волынь. Болеслав наметил границу по Бугу, разместив гарнизоны западнее этой реки.

Что же касается Святополка Окаянного, то теперь он остался совсем без опоры. Его попыткам примазаться к партизанской войне киевляне не поверили. Проклинали князя, притащившего на их головы вражескую орду. Когда на юг выступил Ярослав с новгородцами, сражаться за Святополка не пожелал никто. Он бросил Киев и скрылся. Ярослав вошел в город без боя, и его встречали с искренней радостью.

Хотя его соперник все еще не угомонился. Он снова гнал коней к врагам Руси – на этот раз к печенегам. У него больше не было ни денег, ни ценностей, но он мог расплатиться подданными! Степняки получают право набрать сколько угодно русских невольников! Агитировал Святополк хорошо, в поход поднялись все орды. Известия об угрожающем движе-

нии в степи поступили в пограничные крепости, донесли в Киев. Ярослав успел собрать большое войско, встал на р. Альте. На том же самом месте, где убийцы настигли св. Бориса.

Степь почернела от выплеснувшейся конницы. Летописцы отмечали, что массы неприятелей надвинулись, как сплошной дремучий лес, такого количества печенегов русичи еще ни разу не видели. Но против них стояли плечом к плечу новгородцы, киевляне, белгородцы, переяславцы, черниговцы, смоляне. Сейчас они стояли не для драки за власть, а закрыли собою Русь. А Ярослав напомнил и о том, что именно с этого места началась цепочка подлости и злодеяний. Воззвал: «Кровь невинного брата моего вопиет ко Всевышнему».

Рати столкнулись так, что содрогнулась земля. Стрелы затеняли солнце, как тучки, и выпадали стальными дождями. Хрустели копья и кости, противники секлись мечами, схватывались в смертельных объятиях и душили друг друга. Трижды битва выдыхалась сама собой. Измученные противники расходились или падали без сил. Но, переведя дыхание, похлебав нагретой на солнце воды, схватывались снова. Лишь к вечеру печенеги дрогнули, начали пятиться – и сломались, покатались прочь...

Святополк с несколькими слугами ускользнул на запад. От перенесенных стрессов его парализовало, он не мог сидеть на коне. Его привезли к Бресту – городу его прежнего княжества. Но князь был уже не в себе. Ему чудилась погоня, мерещилось, что его настигают. Он в ужасе озирался, запрещал останавливаться, приказывал ехать дальше. Но куда? К Болеславу было уже нельзя, тесть отличался злопамятностью. Да и вообще, кому он был нужен, проигравший и ни на что больше не годный князек? Двинулись в сторону Чехии глухими лесными дорогами. Где-то по пути Святополк Окаянный скончался.

Сестру Доброгневу Ярослав Мудрый сумел вызволить. Обменял на вдову Святополка, дочь польского короля. Судьба Предславы неизвестна. То ли она сгинула на чужбине, то ли вернулась вместе с Доброгневой, но отеклась от мира и удалилась в монастырь.

Клубок второй Зигзаги Изяслава Ярославича

Наверное, стоит сделать уточнение. В прошлой главе мы выделили личность Святополка Окаянного, но ведь он никогда не достиг бы таких успехов в «окаянстве», если бы его не выдвигала и не подпирала мощная пятая колонна, киевская знать. Разумеется, особой любви к Святополку они не испытывали, их интересовали лишь собственные выгоды. Но когда на трон взошел Ярослав Мудрый, боярской касте пришлось умерить свои аппетиты. Великий князь не зря носил свое прозвище. Он по примеру отца укреплял централизованную власть. Во главу угла Ярослав ставил национальные интересы и проводил строго национальную политику. Невзирая на противодействие Византии, добился поставления русского митрополита Илариона. С крамольниками не церемонился, отправлял в ссылки и тюрьмы, после неоднократных предупреждений посадил даже брата, Судислава Псковского.

Держава расширялась, расцветал Киев. Возрастал и авторитет Руси на международной арене. Породниться с великим князем считали честью короли Франции, Норвегии, Дании, германские князья и сам византийский император. А недавнюю соперницу, Польшу, после смерти Болеслава Храброго разодрали смуты. Теперь уже не поляки силились сажать своих ставленников на русский престол. Наоборот, наши войска гуляли по Польше и возводили своих кандидатов на ее трон. Возвратили угнанных в плен киевлян, награбленные ценности. Очередной польский король Казимир был несказанно рад, что Ярослав согласился поддерживать его. За это возвратил захваченное Прикарпатье, союз скрепили двойным браком. Король женился на сестре Ярослава, а свою сестру Гертруду выдал за сына великого князя Изяслава.

Наследником Мудрого должен был стать его старший сын, Владимир. Но он умер раньше отца. Остальные же дети оказались очень не похожими друг на друга. Изяслав вырос слабовольным, бесхарактерным. Святослав был его противоположностью – широкая натура русского богатыря, умел и повоевать, и от души попить. Всеволод – взвешенный, рассудительный, начитанный, но мягкий, миролюбивый. Он был любимцем отца, последние годы постоянно находился рядом с ним. Вячеслав и Игорь были еще юными, на самостоятельную роль пока не годились.

Можно было передать трон Святославу или Всеволоду, минуя Изяслава, но Ярослав Мудрый опасался ссор и усобиц. А ведь все были родными, он каждого помнил ребенком, держал на руках, радовался первым шагам. Он решил никого не обижать, придумал систему лестницы, то есть лестницы. Установил иерархию городов – Киев, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Владимир-Волынский. Русь остается общим владением Ярославичей, они получают города по старшинству. Киевский князь – великий, ему подчиняются младшие, но важнейшие вопросы решают сообща. Умрет Киевский великий князь – его заменяет черниговский, и остальные князья сдвигаются по «лестнице» на более высокие престолы. Когда умрут все братья, таким же образом правят их дети. Сперва Киев достается сыновьям старшего, за ними идут сыновья второго по рангу, потом третьего... Кстати, наши с вами края, северная Русь, вообще считалась второстепенными. Земли по Оке, Рязань и Муром, добавили к Чернигову, а Курск, Ростов и Суздаль стали «довеском» к Переяславлю.

В 1054 г. Ярослав Мудрый отошел в мир иной, великим князем стал Изяслав. Вот тут-то оживились столичные бояре. Они получили как раз такого государя, о котором мечтали! Этот не прижмет, не будет держать в узде. Изяславом вертела его жена, полька Гертруда, а с ней бояре довольно легко нашли общий язык. Она мечтала о блеске, старалась обеспечить будущее собственных детей. Столичные вельможи выражали полную готовность подыгрывать

ей, стали лучшими друзьями. Изяслава тесно обсели тысяцкий Коснячко, Перенит, Никифор, Чудин, вместе с Гертрудой принялись регулировать великого князя.

Тут как тут очутились евреи. Выделяли деньги на пышное строительство дворцов, на любые прихоти. Проторили дорожку к Гертруде, подмазались к ней подарками. А за ссуды великий князь расплачивался подрядами, льготами, привилегиями. Отдуваться приходилось простонародью. Увеличивались подати. Облагали так, чтобы хватило всем – в казну, боярам, евреям, чиновникам. Вельможи из окружения Изяслава прибирали к рукам села, деревеньки. Крестьяне, еще вчера вольные, вдруг оказывались боярскими.

Подсустились и греки: после смерти митрополита Илариона заплели интриги, и Изяслав порушил начинания Ярослава по созданию национальной церкви. Снова позвал византийцев. Это вызвало конфликт вокруг Киево-Печерского монастыря. Теперь именно он стал вторым русским церковным центром в противовес византийской митрополии. К тому же преподобный Антоний Печерский смело обличал беззакония и злоупотребления властей. Преподобный Феодосий Печерский вступал в споры о вере с иудеями, и доходило до того, что ему грозили смертью (в православной стране!).

А великий князь Изяслав по наветам своих приближенных и евреев додумался до того, чтобы вообще разогнать монастырь. Что ж, монахи взяли иконы и зашагали в Чернигов, во владения Святослава. Ужаснулись не вельможи, не бояре. Ужаснулась Гертруда. Она вспомнила, что в Польше смута началась как раз с гонений на православных монахов. Надавила на мужа, напугала его. Тот переполошился, послал гонцов догонять монахов и извиняться. Отношение к Печерскому монастырю резко изменил, принялся задабривать обитель. Делал крупные вклады, сам принялся регулярно туда ездить. Особенно тронули его беседы с преподобным Феодосием. Изяслав умилялся и каялся, вместе с преподобным молился, садился за скудную монастырскую трапезу...

Но система лестницы начала давать сбои. Сперва умерли младшие братья Ярославичи, Вячеслав и Игорь. А Изяславу с Гертрудой, конечно же, хотелось расширить собственный удел, обеспечить своих детей. При поддержке греческого духовенства и бояр закон о наследовании был подтасован. Не по духу, а по формальным признакам. Было установлено: если князь не занимал киевского стола, то его дети становятся изгоями. Они выбывают из лестницы, лишаются права наследования. «Ступенечки» власти их больше не касаются. Они могут получить уделы только от полноправных родственников, если будут служить им в качестве вассалов. Для Изяслава поправка в законах стала очень выгодной. Владения покойных братьев, Смоленск и Волынь, перешли к нему как выморочные.

Но подрастающие изгои, ясное дело, остались недовольны. Начались междоусобные конфликты. К ним добавились и другие войны. А в Полоцке правил троюродный брат Ярославичей, Всеслав. Он почувствовал, что Русь явно ослабевает, и принялся откровенно разбойничать. Напал и пограбил Новгород, окрестности Пскова. Правда, Ярославичи выступили на него вместе. Несколько раз громили его, разоряли его города, и Всеслав запросил мириться. Однако советники подсказали Изяславу, благоразумно ли отпускать его? Опять же Полоцкое княжество будет не лишним.

Великий князь согласился на переговоры с противником. Целовал крест, что не причинит ему зла. Но когда Всеслав приехал, клятва была нарушена. Его схватили и бросили в киевскую тюрьму. Преподобный Антоний Печерский обличал, что совершен великий грех, предрекал кару. А между тем прокатившиеся войны усугубили напряжение в Киеве. Государь и его вельможи постарались переложить все издержки на простой народ. А захваченные трофеи придворная верхушка поделила между собой. Рядовым не досталось ничего. Семьи раненых и убитых не получили никаких компенсаций, и киевляне зароптали.

Но в это же время произошла грандиозная передвижка в южных степях. Печенегов разбили половцы. Прежние хозяева степных пастбищ отступали, перетекали на Балканы. А

возле русских границ появились новые соседи, многочисленные, энергичные, агрессивные. В 1068 г. они впервые нахлынули на наши земли. Братья Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский привели дружины к великому князю. Поскакали побыстрее, без пехоты. Но масса половцев опрокинула их отряды и обратила в бегство. Степняки принялись разорять окрестности Киева, жгли деревни. Народ забурлил на улицах. Требовал выдать оружие, чтобы прогнать врага. Но... бояре боялись вооружать людей. Знали, насколько они озлоблены против городской верхушки. Как бы не повернули копья и мечи против обидчиков!

Киевляне поняли, почему не созывают ополчение, и это стало последней каплей. Город восстал. Кричали: зачем нужен такой князь? Кто-то вспомнил, что имеется другой князь, Всеслав – сидит в тюрьме. Его пленили обманом, это придало ему ореол невинной жертвы. Толпа бездумно ринулась освобождать Всеслава, Изяслав успел удрать из Киева.

Кстати, в это же время второй брат, Святослав, повел себя иначе. Он-то с жителями Чернигова не конфликтовал. Вооружил горожан, вывел в поле 3 тыс. ратников, пехота оцетинилась копьями. Отбросила орду из 12 тыс. половцев, оттеснила в реку и потопила. В результате положение установилось своеобразное. В Чернигове оставался править Святослав, в Переяславле Всеволод, а в Киеве теперь сидел полоцкий самозванец! Однако братья отлично знали, что в мятеже виноват сам Изяслав. Поэтому подавлять его даже не пытались. Сам напакостил, сам и разгребай.

Ну а Изяслав отправился вовсе не к младшим братьям. Он поехал в Польшу. К своему племяннику и брату жены Болеславу II Смелому. Молил выручить, вернуть на трон. Хотя поляки никогда бесплатно не помогали. Однако Изяслава это ничуть не смутило. Он предложил такую же плату, как когда-то Святополк Окаянный – богатое Прикарпатье с соляными копами, железными и свинцовыми рудниками. При подобном раскладе вопрос решился мгновенно, и польская армия выступила на Киев.

Причем князюшка, выбранный киевлянами, оказался настолько же ненадежным, как большинство выборных властителей. Образ защитника простонародья выдумали те, кто сажал его на престол. Теперь эти сказки лопнули, как мыльный пузырь. Рисковать ради повстанцев Всеславу было абсолютно незачем. Вывел киевское ополчение в поле, а ночью сбежал от поденных, ускакал к себе в Полоцк. Только тогда мятежники отрезвели. Взвыли, спохватились каяться. Послали делегации к Святославу и Всеволоду. Просили заступиться, чтобы Изяслав не отомстил. Что ж, братья не отказались выступить посредниками. Заключили компромиссный договор: Киев покоряется без боя великому князю, но и он простит горожан. На престол он вернется только со своей дружиной, а чужеземцев удалит. Обе стороны приняли этот вариант, целовали крест.

Но Изяслав опять солгал. В Киев пустил впереди себя сына Мстислава, который никаких клятв не давал. Он казнил 70 предводителей восстания, многих ослепил и побросал в тюрьмы. А без поляков великий князь чувствовал себя слишком неуверенно, вступил в город с полками Болеслава. Договаривался, чтобы тот не уходил, обещал взять на содержание его войско. Хотя повторилась такая же история, как полвека назад, у Святополка Окаянного и прадеда нынешнего польского короля. Оккупанты грабили и насильничали, а русские взялись их резать по ночам. Болеслав обиделся, поругался с Изяславом. Понимание ситуации у них оказалось разное. Великий князь полагал, что чужеземцы должны обеспечивать его безопасность, а Болеслав возмущался, почему Изяслав не обеспечивает безопасность его громил. Собрал тех, кого еще не зарезали, и увел на родину.

Тут уж задергался великий князь. Киевлян он снова озлобил, да и братья были не в восторге от случившегося. Изяслав начал выкручиваться. Заюлил перед братьями, решил купить их поддержку. Ради этого уступил изрядную часть своих владений – Новгород, Смоленск. Но ведь и убытков терпеть не хотелось! Вместо утраченных областей великий князь

задумал прихватить для своих детишек Полоцк. Поставил братьям условие – возобновить войну против сбежавшего Всеслава. Дескать, он источник всех бед и смут.

В 1069 г. войско во второй раз выступило в Белоруссию. Осадило и взяло Полоцк, его великий князь отдал сыну Мстиславу. Однако намеченные комбинации очень быстро поехали наперекосяк. Мстислав уже показал свой нрав расправами в Киеве. Аналогично повел себя и в Полоцке. Он быстро умер при неясных обстоятельствах, и великий князь отдал княжество второму сыну, Святополку. Хотя второй был не лучше старшего. Жестокий, жадный, похотливый. Для таких князей и их дружинников Полоцкое княжество было лишь добычей. Вели себя как интервенты, грабили, притесняли жителей, тащили на забаву женщин. Но партизанская война в Белоруссии была еще опаснее, чем в Киеве. Всеслава поймать никто не мог, он после каждого поражения скрывался, а народ поднимался против захватчиков. Из чащобы летели стрелы, нападали неуловимые отряды. Киевляне безнадежно завязли.

А на западе обозначился еще один фронт. Польский Болеслав напомнил о договоре – отдать Прикарпатье. Выполнить обещания Изяслав никак не мог. Что сказали бы подданные и братья, если бы он начал разбазаривать русские земли? Он увильнул от исполнения обязательств, и Болеслав начал войну. Изяслав выступил против него лично, но был позорно разбит. Поляки сожгли Брест, силой захватили города Червонной Руси. Снова пришлось обращаться к родственникам, войну против Болеслава возглавил племянник, Владимир Мономах – он среди Рюриковичей зарекомендовал себя лучшим полководцем, отобрал у врага утраченные владения.

Ну а всеми этими неурядицами, в свою очередь, пользовались половцы. Киевские дружины погибали в Белоруссии, а степняки совсем разгулялись и опустошали окрестности Киева. Но и Белоруссия была потеряна, оттуда пришлось уйти. В народе закипало возмущение. Поговаривали, не прогнать ли Изяслава? Не заменить ли его Святославом Черниговским? Он-то защищает подданных от внешних врагов, не позволяет хищничать ни приближенным, ни евреям. Крестьяне, горожане, воины, монахи, стали уходить из Киева в Чернигов.

Но подтолкнул события сам Изяслав. Теперь он завидовал братьям, злился на них. А если не удалось овладеть Полоцким княжеством, то государь придумал головоломный поворот: в 1073 г. вступил в переговоры с вчерашним врагом, Всеславом Полоцким. Предлагал заключить союз против собственных братьев, Святослава и Всеволода, а в случае победы сулил отдать Смоленск.

Да не тут-то было. От Изяслава уже отшатнулись собственные бояре. Они-то чувствовали, что ситуация в Киеве грозит новым восстанием. Недавно чернь громила их дворы, повторять не хотелось. Чтобы предотвратить взрыв, они задумали пригласить популярного Святослава, а переговорами с Полоцком великий князь сам подставился. Бояре сразу донесли об этом в Чернигов. Святослава предательство возмутило глубочайшим образом. Он позвал из Переяславля Всеволода, предъявил факты: вот, мол, полюбуйся. Сколько уже бед и глупостей натворил Изяслав, мы с тобой терпели, как-то сглаживали. Ну и дождались благодарности, он на нас злоумышляет.

На сборы братьям много времени не понадобилось, они подняли полки и повели к Киеву. Великий князь в панике запер ворота, но Святослав и Всеволод не собирались штурмовать город. Встали рядом и объявили старшему: он лишается великого княжения и может убраться куда хочет. А столичные жители уже забурлили, вооружались, кричали за Святослава. Видя, что деваться некуда, Изяслав сдался. Его не торопили. Он несколько дней грузил обоз, казну, богатства и покатыл по наезженной дорожке к западной границе. Опять сунулся в Польшу к Болеславу II. Но король помнил, как Изяслав обманул его с прикарпатскими городами. В компенсацию за прошлые расходы отобрал большую часть казны великого князя и выгнал его вон.

От поляков Изяслав отправился к германскому императору Генриху IV. С поклоном вручил то, что уберег от поляков – золотые и серебряные сосуды, деньги. А для большего веса добавил родную страну. Пообещал признать себя вассалом Германии, платить дань, если поможет сесть на престоле. Идти на Русь для Генриха было никак не с руки, на пути лежали Польша, Венгрия. Император решил хотя бы поугадать русских. В Киев явились немецкие послы, требовали вернуть трон Изяславу, страдая войной. Но Святослава их демарши, разумеется, не впечатлили. Как, интересно, Генрих думает воевать? Издалека мечом махать? Великий князь радушно угостил послов, выделил щедрые подарки и отправил домой. Делегаты доложили императору, что с таким могущественным государем враждовать не стоит, и в целом немцы остались довольны. От одного князя что-то получили, от другого получили, а на большее рассчитывать не приходилось.

Тогда Изяслав и его супруга послали сына Ярополка в Рим. Он от имени отца целовал туфлю у папы Григория VII, отдавал Русь под его верховную власть, выражал готовность сменить веру на католическую. Нетрудно понять, что папа был в полнейшем восторге. Эдакая держава сама шла к нему в руки! Ярополк принес присягу ему на верность, и в 1075 г. Григорий направил к Изяславу посольство, «утвердил» его на киевском княжении как своего вассала. Отписал в Польшу. Указывал Болеславу, что грабить изгнанников нехорошо, приказывал помочь. Правда, сперва Болеславу было совсем не до папских пожеланий. Его лупили в хвост и в гриву немцы и чехи! Он воззвал о спасении как раз в Киев. Молил, чтобы Святослав его выручил. Подписали договор, Польша отказалась от поддержки Изяслава, ей на помощь двинулась армия Мономаха, раскидала чехов.

Святослав вообще проявил себя неплохим властителем. Вразумил половцев, Русь обрела долгожданный мир. Великий князь начал предпринимать меры по восстановлению справедливости. Народ полюбил его. Только Печерский монастырь не поступился строгой принципиальностью. Его игумен, преподобный Феодосий, обличал, что Святослав занял трон незаконно, нарушил братскую любовь. На литургиях по-прежнему поминал великим князем Изяслава, а новому властителю повторял: «Уступи престол старшему брату». Но Святослав умел уважать смелых и честных людей. Он стал приезжать к св. Феодосию, приглашать к себе во дворец.

Монахи давно уже задумывали вместо ветхого деревянного храма поставить большой, каменный. Святослав указал лучшее место для храма, выделил деньги на строительство. Мало того, сам взял лопату, копал канаву под фундамент. Преподобный Феодосий смягчился, начал поминать на службах Святослава, хотя и вторым, после Изяслава. Но из-за границы пришли потрясающие новости: Изяслав изменил православию и Руси! В 1074 г., лежа на смертном одре, св. Феодосий благословил Святослава и его сына Глеба. Но правление Святослава оказалось коротким. У него обнаружилась опухоль, и во время операции государь умер. И тогда-то польский Болеслав сразу забыл, как Святослав спасал его, выделил армию для Изяслава. Пускай Русь ослабеет в усобицах! А он выполнит папскую волю, да и украденную казну можно не возвращать! Изгнанник будет без того благодарен.

В это время на Руси великое княжение принял третий брат, Всеволод. Он вывел войско и встретил Изяслава у р. Горынь. Но спокойный и мягкий Всеволод был совсем не настроен драться с братом. Пригласил съехаться один на один и предложил: а чего нам делить-то? Обоим уже не так долго осталось жить, и перерезать друг друга на старости лет? Отправляя назад своих наемников, возвращайся в Киев и будь по-прежнему государем. Обнялись, плакали, клялись забыть прошлое.

Изяслав утвердился в Киеве, Всеволоду предоставил второй по рангу Чернигов. О своем обещании перейти в католицизм и подчинить Русь папе Римскому великий князь благоразумно не вспоминал. Но примирился он отнюдь не со всеми родственниками. Обидевший его Святослав умер, зато оставались его сыновья. Глеб правил в Новгороде, Олег – на

Волыни, Роман – в Тмутаракани. Как пригодились бы эти уделы для самого Изяслава и его детей! Придворные крючкотворы покумекали и подтасовали к ним закон об изгоях. Если Святослав занимал киевский престол не по праву, то он его как бы вообще не занимал! Не был великим князем. Значит, его дети выбывают из лестницы, лишаются уделов.

Новгород Изяслав передал своему отпрыску Святополку. Глеб не стал дожидаться, пока его выгонят, ушел с экспедицией новгородцев на север и погиб в стычке с чудью. Хотя поговаривали, что его погубил Святополк, послал вдогон своих людей. Давыд, серенький и робкий, согласился прислуживать великому князю. У Олега отобрали Волынь. Но Роман в далекой Тмутаракани отказался повиноваться. К нему сбежал Олег, перебрался еще один князь-изгой, буйный Борис Вячеславович. Они тайно заслали гонцов в Чернигов, горожане до сих пор глубоко чтит Святослава, сочувствовали его сыновьям.

Кроме того, изгой наняли половцев. В 1078 г. русские князья Олег и Борис впервые сами навели на Русь «поганных». Князь Всеволод приказал собирать воинов, но черниговцы изменили ему. Он сумел вывести на бой лишь собственную дружину. Лавина неприятелей захлестнула ее. Большинство бояр и воинов полегли в рубке. Всеволод вырвался с небольшим отрядом, ускакал в Киев. Изяслав встретил его тепло и дружески. Обласкал, утешил, что не бросит в беде: «Если нам княжить в Русской земле, то обоим, если быть изгнанными, то вместе. Я положу за тебя свою голову».

Между тем орды половцев растеклись по земле, разорjali ее, набирали пленных и добычу. Изяслав мобилизовал киевлян и волынян. Владимир Мономах поднял на помощь отцу и дяде суздальцев и смолян. Их рати соединились под Переяславлем. Пошли к Чернигову, разгоняя половцев. Но и Олег с Борисом собрали массы степняков, привели отряды тмутараканской вольницы. Построились к битве. Изяслав и Всеволод уступили общее командование лучшему военачальнику, Мономаху. У изгоев командовал Борис. О переговорах он даже слышать не желал: разобьем великого князя, и вся Русь будет наша! Азартно скомандовал атаку.

Отборные киевские, смоленские, суздальские дружины смели противника одним таранным ударом. Борис скакал впереди своего воинства и погиб первым, нанизанный на копьё и втоптаный в пыль сотнями копыт. Половцы и тмутараканцы покатались прочь. А престарелый Изяслав оставался со вторым эшелоном, с пехотой. Строил ее, ободрял, сам встал вместе с простыми ратниками. Пехота не понадобилась, конница обошлась без нее. Но один вражеский всадник, оторвавшийся от своих и ошалевший, выскочил откуда-то сбоку и сразил Изяслава копьем. Что ж, великий князь Изяслав Ярославич натворил в жизни немало ошибок и пакостей. Однако напоследок как будто старался искупить все плохое. Вступился за брата. Спасал подданных, очистив страну от нашествия степняков. Получил смертельную рану в строю рядовых ратников. В общем, Господь даровал ему неплохой финал. Но у Изяслава остались детишки...

Клубок третий Семейка Изяславичей

Изяслав погиб, и престол великого князя унаследовал его брат, Всеволод Ярославич. Следующими в «очереди», по закону Ярослава Мудрого, должны были идти дети Изяслава – Святополк и Ярополк. А уже после них – сын Всеволода, Владимир Мономах. Что ж, новый государь не обижал племянников. Сохранил за ними те же самые богатые уделы, которые дал им отец. За Святополком – Новгород. За Ярополком – весь запад Руси, Волынское и Туровское княжества.

А время выдалось напряженное. На Русь то и дело налетали половцы. Очень агрессивно вели себя князья-изгои, оставшиеся без уделов, откровенно разбойничали. Роман и Олег Святославичи угнездились в Тмутаракани. Давыд Игоревич грабил купцов на Днепре. Братья Ростиславичи – Рюрик, Володарь и Василько – попытались отобрать удел у Ярополка, захватили его стольный град Владимир-Волынский. Но великий князь защитил племянника, послал войско Мономаха, и тот выгнал авантюристов.

Всеволод был мудрым правителем. Он решил ликвидировать причину конфликтов – дать изгоям уделы, и они успокоятся. Рюрику, Володарю и Васильку выделил Прикарпатье. Давыд Игоревич получил Дорогобуж. Только Роман и Олег Святославичи не смирились, снова повели половцев на Русь. Однако великий князь приплатил ханам, они повернули назад. Изгои возмутились, протестовали, хотели все-таки воевать. Но они уже надоели половцам и иудейским купцам в Тмутаракани. Набрали долгов, а не возвращали, добычи не привозили. Зато торговлю с Русью перекрыли. Купцы отстегнули тем же половцам, степняки убили Романа, а Олега выдали в Византию. Правивший там император Никифор Вотаниат очень нуждался в дружбе с Киевом, поэтому отправил смутьяна в ссылку.

Ну а великий князь Всеволод пользовался затруднениями греков. Во второй раз он сумел добиться поставления русского митрополита Ефрема. А половцев несколько раз проучил Мономах, заставил замириться. Это был великолепный командир, человек чести и глубочайшей веры. Он выступал правой рукой отца, ближайшим помощником.

Изяславичи были другого поля ягодой. Новгород от правления Святополка оказался совсем не в восторге. Современники называли его «бык яр и лют». Жестокий, скупой, беспринципный. Доблестью не отличался, зато всячески преумножал свои личные достатки. Его отец благоволил к иудеям, Святополк завел с ними совсем тесную дружбу. Торговал через них, ссужал в рост деньги. Несмотря на зрелый возраст, он оставался неженатым. Еврейские друзья подсунули ему свою красивую соплеменницу. Князь держал ее как супругу, двоих сыновей от нее воспитывал как законных княжичей.

Что же касается Ярополка, то он уже имел опыт предательства. Ведь именно он ездил от отца в Рим, предлагал Русь папе и договаривался о переходе в католицизм. За помощь великого князя против изгоев он даже не подумал быть благодарным. С ним поселилась мать, полька Гертруда. После Киева Владимир-Волынский казался ей унижением. Мама с сыном озлобились и связались со своим родственником, польским королем. Совместно выработали тайный план. На первом этапе Ярополк должен был отделиться от Руси, и папа провозгласил бы его королем Волыни. А дальше Польша и Рим помогут ему прибрать к рукам остальную Русь. Снеслись со всеми, кто мог быть полезен: с братом Святополком, с киевскими боярами. Начали исподволь готовиться к войне.

Но у великого князя тоже нашлись сторонники, вовремя доложили. На Волынь прискакал Мономах с дружиной. Ярополк струсил. Бросил в Луцке мать, жену, велел своим городам обороняться, а сам улизнул в Польшу за подмогой. Но он явно переоценил собственный

авторитет. Города его приказ исполнять не стали. Спротивляться не спешили, открывали Мономаху ворота. Он без боя захватил семью изменника, все его имущество. А Ярополк даже за границей не получил поддержки. В данное время королю оказалось совершенно не до него: он неосмотрительно повздорил с немцами и с поморянами. Противники объединились и принялись лупить поляков. Ярополк потыкался туда-сюда, делать было нечего, и он отправил гонцов в Киев к великому князю. Каялся, извинялся, обещал впредь не безобразничать.

Всеволод Ярославич отнесся к нему по-христиански. Если племянник и впрямь просит прощения, можно забыть прошлое. Ярополку Изяславичу возвратили Волынь, вернули мать с женой. Хотя вскоре он погиб. Потому что примирением и прощением оказались недовольны братья Ростиславичи. Те самые изгои, которые и раньше претендовали на Волынь. В один прекрасный день Ярополка пронзил саблей слуга и усакал к Рюрику Ростиславичу в Перемышль. Тот принял его, не отказал, чем навлек на себя естественные и весомые подозрения. Но разобраться с ними не успели. Вскорости Рюрик тоже умер, и тайна преступления оказалась похороненной вместе с ним.

Тем временем до киевского государя и Мономаха дошли сведения, что в заговоре был замешан брат убитого князя, Святополк. Да и новгородцы на него жаловались. Из Новгорода его свели, а удел покойного Ярополка разделили. Святополку отдали только Туровское княжество. А Волынь – вчерашнему изгою Давыду Игоревичу.

В 1093 г. великий князь Всеволод Ярославич скончался. Все ждали, что престол займет Мономах. Но... он отказался. По лестнице первенство принадлежало Святополку Изяславичу! Второсортному туровскому князю, но православные убеждения Мономаха не позволили ему преступить закон. Впрочем, не исключено, что он взвесил возможные последствия. У Святополка вполне хватило бы ума связаться с поляками, у него хватало сторонников среди киевских бояр. Русь снова расколется в братоубийстве... Нет, Мономах не взял на себя такой грех. Он уступил власть двоюродному брату, по сути собственноручно возвел его на киевский трон, а сам уехал в Чернигов. Хотя даже самое начало правления Святополка II оказалось катастрофическим.

Прибыли послы половцы, подтвердить мир с новым государем. То есть повторно содрать за это солидные подарки. Подобные уловки считались обычными, но жадный Святополк возмутился. Не просто отказал, а велел кинуть послов в темницу. Это оказалось слишком опрометчиво. На Русь поднялась вся степь. Великий князь спохватился, он по своей скупости и дружину-то содержал небольшую, всего 800 воинов. Послов с извинениями выпустили, но было уже поздно. Орды хлынули на русские границы, осадили Торческ. На помощь великому князю пришел из Чернигова Мономах, из Переяславля его младший брат Ростислав. Но войск все равно было мало. В битве у Триполья враги захлестнули их. Дружина Святополка первая повернула прочь, открыла правый фланг. Русских прижали к реке Стугне, в бегстве многие тонули, в том числе князь Ростислав.

Половцы докатились до Киева. Великий князь пробовал дать сражение и снова был разбит, влетел в город с двумя дружинниками и запер ворота, бросив всю армию на уничтожение и плен. Взмолился о мире. Правда, даже в такой ситуации он нашел выход, чтобы не платить – женился на дочери хана Тугоркана. Заимел союзника, еще и получил приданое. Но беда не приходит одна.

Выше уже говорилось, что в Византии находился ссыльный князь Олег Святославич. В Константинополе произошел переворот, и власть захватил Алексей Комнин – ярый «западник» и враг Руси. Он понял, как пригодится Олег. Обласкал его, женил на аристократке Феофании Музалон и заключил тайный договор. Олег признал себя вассалом Византии, за это ему выделили корабли, солдат. Он внезапно высадился в Тмутаракани и захватил ее. Комнин помог и деньгами, Олег нанимал половцев. А Феофания ясно обозначила претензии супру-

гов, она подписывалась «архонтесса Руси». Всей Руси! Разгром великого князя и Мономаха вдохновил их действовать. Олег двинулся на Русь, а с Византией расплатился за помощь – отдал ей Тмутараканское княжество.

На стороне Олега выступил брат Давыд, до сих пор он изображал себя лояльным, тихо правил в Смоленске. Присоединился третий их брат – Ярослав. С боярами Чернигова заблаговременно сговорились, и горожане изменили Мономаху. Но и великий князь даже не подумал выручить его! Он завидовал Мономаху, боялся его авторитета. А теперь порадовался, что двоюродный брат погибнет или ослабеет. У Мономаха оставалась всего сотня дружинников, и тем не менее он оборонял город восемь дней. Но защитники таяли, а половцы растеклись по окрестностям, жгли села и монастыри. Олег им не препятствовал, не хотел ссориться с союзниками. Мономах пощадил русских людей. Объявил: если его пропустят, он уходит. Проехал с семьей и горсткой воинов через неприятельские полчища, удалился в родовой Переяславль.

Теперь Святополк II близоруко считал себя в выигрыше: соперника можно не бояться. А любимчики великого князя пустились во все тяжкие, обирая народ. Еврейский квартал Киева расцвел еще более пышно, чем при Изяславе. Иудеи находились под особым покровительством государя, «отняли все промыслы у христиан и при Святополке имели великую свободу и власть, через что многие купцы и ремесленники разорились». Да и сам великий князь не стеснялся в способах наживы. Прежние государи даровали монополию на соляную торговлю Печерскому монастырю. Святополк отнял ее, принялся торговать солью через откупщиков. Его сын от еврейки-наложницы Мстислав зверскими пытками замучил до смерти монахов, святых преподобных Феодора и Василия: ему донесли, будто они нашли клад и скрывают.

В такой обстановке митрополит Ефрем вообще уехал, доживал век в Переяславле. К Мономаху перебирались многие горожане, воины, бояре. Но и Святополку II пришлось крепко задуматься. Раньше цепь княжеств представляла единую систему обороны от степняков. Сейчас она рухнула! Сила Мономаха была подорвана, а Святославичи были союзниками половцев, орды вторгались на Русь через Черниговское княжество! Они совершенно замучили киевские и переяславские земли. Тысячами угоняли людей, перепродавая крымским работорговцам. Причем родство великого князя с Тугорканом от набегов не спасало: тесть на владения Святополка не ходил, но другим ханам не препятствовал.

В 1095 г. двое вождей заявили со своими ордами к Переяславлю, принялись нагло вымогать дань. Мономах не выдержал. Перебил незваных гостей и позвал Святополка II ударить на врагов – идти прямо в степь. А тот уже стонал от убытков. Присоединился со своей ратью. В степях половцы чувствовали себя в полной безопасности, нападения не ждали. Князья погромили кочевья, захватили табуны и стада, освободили множество пленных. Мономах предложил созвать в Киеве съезд всех князей, объединиться для отпора хищникам.

Но не тут-то было. Черниговский Олег Святославич приглашение на съезд отверг, продолжал давать прибежище половцам: они оставались союзниками. Ему объявили: «Ты потому ни на поганных не ходишь, ни на совет к нам, что злоумышляешь против нас и поганным помогаешь – пусть Бог рассудит нас». Началась гражданская война. Великий князь и Мономах повели на Святославичей всю Русь. У Давыда отобрали Смоленск. За Олегом долго гонялись. Из Чернигова он бежал в Стародуб. Его осадили, и он целовал крест подчиниться. Но тут же нарушил клятву. Двинулся на окраину – на Муром, Суздаль, Ростов. Жег города, в бою погиб сын Мономаха Изяслав.

Но Олега несколько раз крепко разбили. А Мономах ради примирения согласился даже простить смерть сына. В 1097 г. в Любече состоялся общий съезд князей. Душой его стал не великий князь, а Мономах. Вместе целовали крест: «Да будет земля Русская общим для нас отечеством, а кто восстанет на брата, на того все восстанем». Чтобы на будущее предот-

вратить раздоры, касту изгоев упразднили. А систему наследования Ярослава Мудрого подкорректировали. Отныне только Киевский престол великого князя переходил по старшинству. А переходы по лестнице из одного города в другой отменялись во избежание споров и претензий.

Постановили: «Каждый да держит отчину свою». Чем владели отцы, пусть владеют их дети. Святополку II отошли Киевская земля и Туров, Мономаху – Переяславль, Курск, Смоленск, Ростово-Суздальский край. Святославичи поделили то, что принадлежало их отцу – Чернигов, Новгород-Северский, Муром. За Давыдом Игоревичем осталась Волынь, за Володарем и Васильком Ростиславичами – Перемышль и Тербовль. Казалось, все утрясли! Можно жить душа в душу? Как бы не так!

Святополк II опять завидовал Мономаху и считал, что его обделили! Ведь Киев не был наследственным владением, детям он мог передать только Турово-Пинское княжество. А волынский Давыд Игоревич оказался не меньшим мерзавцем. Он косился на земли Василька Тербовльского, который собственным мечом отвоевал у поляков большое княжество. Давыд поскакал к великому князю и предложил тайный сговор. Устранить Василька, отдать Тербовль ему, Давыду, а он, усилившись чужими землями, станет союзником великого князя против Мономаха. Ударили по рукам.

Простодушный вояка Василько возвращался со съезда довольный: за ним, бывшим изгоем, закрепили его удел. Но его позвали в гости в Киев, схватили, и подручные Давыда Игоревича выкололи несчастному глаза. Отвезли на Волынь и бросили в темницу. Такого на Руси еще не бывало! Хладнокровное и подлое преступление всколыхнуло всю страну. Мономах, больше всех ратовавший за примирение, сейчас первым забил тревогу. Воззвал ко вчерашним врагам, Святославичам: «Нож ввержен в нас. Если этого не поправим, то большое зло явится среди нас». Они поняли, привели дружины.

Объединенная рать встала возле Киева. У великого князя потребовали дать ответ. Он струсил, заюлил. Сваливал вину на Давыда Игоревича, дескать, он оклеветал Василька, он ослепил. Его уличили во лжи: злодейство совершилось с ведома государя, в его городе. Святополк дергался так и эдак, намеревался вообще бежать, но его не пустило окружение. Он-то скроется, а как же их богатства? А митрополит Ефрем недавно умер, на его место приехал грек Николай. Он не видел особой беды в случившемся. В Византии подобные вещи проделывали сплошь и рядом. Зато подыграть великому князю было выгодно, он же отблагодарит. Митрополит рьяно вступился за него. В итоге договорились, что государя оставят в покое. Но пускай он сам ведет войско и наказывает Давыда.

Такое решение вылилось в безобразнейшую драку на Волыни. Узнав о киевской рати, Давыд Игоревич удрал в Польшу. Святополк II занял его княжество и... загорелся захватить его для себя. Посадил на Волыни княжить сына Мстислава. Но показалось мало! Вдобавок к Волыни великий князь разохотился прихватить богатое Прикарпатье! Дать его второму отпрыску от наложницы, Ярославу. Князь-то ослеп, беспомощный, почему же не наложить лапу на его собственность?

Хотя к этому времени ослепленного Василька успел освободить его брат Володарь, и они государя не испугались. Вывели свои полки. Слепой Василько перед битвой выехал вперед, поднял крест и кричал великому князю: «Видишь ли мстителя, клятвопреступник?... Крест святой да будет нам судьей!». В кровопролитном сражении рать Святополка разнесли вдребезги.

Нет, даже теперь великий князь не уgomонился. Ради вожаденных приобретений он ничуть не смутился позвать чужеземцев. Послал сына Ярослава к венгерскому королю Коломану, попросил о помощи. Тот согласился, и на Русь ворвались 40 тыс. мадьяр. Но... кое в чем просчитались. Потому что Коломан задумал овладеть Прикарпатьем вовсе не для Свя-

тополка. Присмотрел этот край для себя. С войском сразу же прибыли чиновники для местной администрации, приехали епископы перекрещивать русских в католицизм.

А сын киевского государя Ярослав Святополчич в полной мере пошел в отца и дедушку. Когда узнал, что король готовится завоевать русскую область, он ничуть не возражал. Просто постарался сохранить собственные интересы и посватался к дочке Коломана. Выразил готовность править Прикарпатьем не в качестве киевского, а в качестве венгерского подручного. Какая разница?

Однако в тяжелой ситуации Володарь с Васильком тоже нашли союзников. Из Польши вернулся Давыд Игоревич, так и не получивший за границей поддержки, и выяснилось, что ради спасения все-таки можно простить вину друг другу, даже ослепление. Князья объединились и позвали половцев. Кочевники налетели на венгров и сбросили их в реку Сан, большинство воинов Коломана вместе с епископами нашли здесь смерть. Завязались бои за Волынь, города переходили из рук в руки. В очередной осаде погиб сын великого князя Мстислав. В свое время, истязая киевских монахов, он протыкал их тела стрелой, и родилось поверье, что его сразила та самая стрела.

Конец этой вакханалии положил Мономах. По его настоянию в 1100 г. в Витичеве собрался второй съезд князей. Все прекрасно понимали: в бедствиях виноват Святополк II. Но ради примирения его делишки обошли молчанием. Оставили крайним только Давыда Игоревича. У него отобрали Волынь и передали неудачливому венгерскому союзнику, Ярославу Святополчичу. Давыду выделили несколько городов и запретили претендовать на большее.

Престиж Святополка II пал крайне низко. Он замыслил возвратить богатый Новгород, повелел обменять уделы. Предписал сыну Мономаха Мстиславу взять Волынь, разоренную войной, а в Новгород назначил своего Ярослава. Но к государю приехали новгородские послы и объявили: «Не хотим ни тебя, ни твоего сына». Великий князь разгневался, угрожал, а новгородцы лишь выразительно пожали плечами: «Если у твоего сына две головы, пусть приезжает». На такой аргумент возражать было нечем.

Теряя опору на Руси, Святополк по-прежнему искал ее среди иноземцев. Выдал дочерей за польского короля и венгерского королевича. А у самого великого князя умерла жена-половчанка, и он сумел договориться о женитьбе на родственнице византийского императора, Варваре. Правда, она была уже в солидном возрасте и красотой не отличалась. Но Святополк страшно гордился успехом. А расплачивался за него, признав утрату Тмутаракани. Мало того, согласившись числиться вассалом императора!

Впрочем, киевские иудеи постарались скрасить брак государя с пожилой гречанкой, у него появилась новая красавица-наложница. Святополк оказывал им полнейшее доверие, ставил чиновниками, финансистами, сборщиками налогов. Разоряя людей, ростовщики готовы были «выручить» их займами. Опутывали процентами, и вся семья продавалась в рабство. Из русской столицы отправлялись по Днепру корабли с русскими невольниками. А другие такие же корабли отчаливали из Херсонеса, пока на Руси кипели усобицы, степные хищники не сидели сложа руки, угоняли массы пленных.

Но Мономах остался верен себе. Против государя не выступал, зато организовал большую войну против половцев. Последовал ряд блестящих походов в степь. Русские рати доходили до Дона. Раскидали орды в полевых сражениях, захватили зимовья и городки, обескровив противников. Уцелевшие кочевники стали разбегаться подальше – на Терек, на Волгу. По всей стране звучало имя Мономаха, в нем видели героя и спасителя народа.

А в 1113 г. разболелся и умер Святополк II. Киевляне обратились к Мономаху. Кто, как не он, был достоин занять престол? Но он и впрямь был кристально честным человеком, ставил превыше всего христианские заповеди. Точно так же, как 20 лет назад, он отказался: по закону, за Святополком Изяславичем должны были идти Святославичи – Давыд Чернигов-

ский, Олег Северский, Ярослав Муромский. Однако народ представлял, что при слабеньком Давиде опять будет боярское засилье, а Олега помнили как заводчика смут. Город дружно взбурлил: «Святославичев не хотим!».

Ситуацией попытались воспользоваться любимчики покойного государя – евреи. Им-то было выгодно протащить сына Святополка, Ярослава Волынского! Они сохраняют прежнее положение, доходы. Да ведь и сам Ярослав был наполовину их соплеменником! У иудеев национальность определяется по материнской линии. Когда-то в Хазарии иудейская купеческая община именно таким способом, через царских детей от евреек, сумела перехватить власть. Столичный тысяцкий Путята и другие вельможи, связанные с ростовщиками, засуетились. Развернули агитацию: не хотите Святославичей? Очень хорошо, давай Ярослава!

Но люди раскусили подоплеку их поползновений, и накопившуюся ненависть прорвало. Киевляне разбушевались, разнесли двор Путяты, ринулись на иудейский квартал. Купцы и ростовщики укрылись от народного гнева в каменной синагоге, а люди крушили их дома, разбивали двери бараков с невольниками. Мужики, девушки, дети, рассортированные и ожидающие продажи на чужбину, обнимали родных, плакали от счастья. Теперь уже и бояре, и духовенство в панике воззвали к Мономаху. Умоляли принять власть, иначе столица погибнет в погроме. Но и народ звал Мономаха.

Поколебавшись, он согласился. И стоило ему лишь приехать в Киев, как порядок восстановился сам собой. Горожане воодушевленно встречали князя. Знали: этот не даст в обиду, при нем будет справедливость! Святославичи признали главенство Мономаха, куда уж им было противиться желанию всей земли? А государь общих надежд не обманул. Тысяцкого и всю администрацию сразу сместил, на место Путяты назначил своего воеводу Ратибора. Долги киевлян евреям прощались, проданные в рабство освобождались.

Но Мономах решил ликвидировать болезненную проблему раз и навсегда. Он созвал на совещание князей и тысяцких из разных городов. Разговор был нелицеприятным: разоряя и закабалая людей, ростовщики подрывали силы самих князей, силы государства. Постановили: иудеям покинуть пределы Руси. Они могли взять все имущество, но возвращаться не имели права. В противном случае они лишались покровительства закона. Правда, некоторые нашли способ выкрутиться – приняли крещение, хотя бы для видимости. Но государь утвердил закон, ограничивший произвол ростовщиков и проценты роста.

Под сильной властью Мономаха Русь наконец-то отдохнула от напастей. Наладился внутренний порядок. Половцы совсем присмирели. Кое-кто предпочел откочевать подальше. Остальные выражали готовность дружить и слушаться. Заключали союзы или вообще поступали к князьям на службу. Приздумались и другие вчерашние враги, меняли политику. Венгерский король Коломан рассудил, что захватить Прикарпатье уже не получится. Решил замириться и заслал сватов, взял в жены дочь великого князя Евфимию. А у зятя Коломана, Ярослава Волынского, умерла его венгерская жена. Он тоже надумал породниться с могущественным Мономахом, посватался к его внучке. Что ж, государь не возражал. Он искренне стремился сплотить различные княжеские ветви.

Но на Волыни, под крылышком Ярослава, собрались подручные его отца, лишившиеся в Киеве теплых мест и доходов. Собрались изгнанные евреи. В этом клубке варились обиды, подогревались амбиции, сплетались новые интриги. Ярослав с боярами и евреями взвесили шансы все-таки побороться за власть. У самих была кишка тонка, но забросили удочки тому же Коломану. Король заинтересовался. При таком раскладе можно было пожить. Заключили договор, что венгры помогут возвести Ярослава на киевский престол, а за это он отстегнет Коломану Прикарпатье.

Иудейские купцы выделяли деньги, для них вообще открывалась блестящая перспектива – повторить сценарий Хазарии! На Руси у них будет «свой» государь! Но внутри дворца во Владимире-Волынском и внутри княжеской семьи сохранить тайну было трудно. Узнала

жена Ярослава и сразу же сообщила своему деду Мономаху: затевается предательство. Государь встревожился, потребовал от Ярослава приехать в Киев для объяснений.

Нет, волынский князь объясняться испугался. Приглашение только подтолкнуло его, и они с Коломаном бросили открытый вызов. Способ выбрали грязный и оскорбительный, одновременно отослали к Мономаху своих жен, обвинили их в супружеской неверности. Причем королеву Евфимию выгнали из Венгрии беременной. Уж конечно, великий князь эдакой выходки не стерпел. Поднял рати со всей Руси, осадил Владимир-Волынский. А венгры... не появились. Коломан в это время заболел и скончался. Ярослав с нетерпением глядел с городских башен на запад. Его подданные роптали, что князь втянул их в беду, готовы были взбунтоваться. Пришлось сдаться.

Ярослав явился к грозному деду жены, ползал перед ним на коленях, клялся, что больше не будет. Великий князь попенял, но на первый раз простил. Жена вернулась к униженному супругу. Однако сын изменника и брат изменника оказались неисправимыми. Ведь по соседству жили не только венгры. Едва войска Мономаха удалились, как волынский князь погнал гонцов к польскому королю Болеславу Кривоустому. Заключили союз примерно на таких же условиях, как с покойным Коломаном. Поляки помогают и получают за это русские области. А жене Ярослав не удержался отомстить нагло и мелочно. Во второй раз выпроводил ее прочь.

Результат был вполне предсказуемым. Дороги от Киева на Волынь снова запылили под сапогами ратников и копытами государевых дружин. Не дожидаясь подхода русских полков, Ярослав усакал в Польшу. А Болеслав Кривоустый показал себя честным союзником, договор исполнил. Как не исполнить, если выгодно! Прикарпатье предлагают! Да и иудейские толстосумы не скупились, готовы были отвалить любые суммы. Разве можно было упускать уникальную возможность, собственного претендента на престол? Деньги и приобретения соблазнили чехов. Болеслав с Ярославом позвали и нового венгерского короля Стефана. Он тоже откликнулся. В 1123 г. на Русь вторглась огромная армия – мадьяры, поляки, чехи.

Но от Ярослава отвернулись даже вчерашние подданные. Его столица, Владимир-Волынский, приняла нового князя, сына Мономаха Андрея, заперла ворота. А прежнего правителя и его чужеземных друзей приветствовала стрелами. Интервенты обложили город, готовились штурмовать. Ярослав торжественно пообещал защитникам, что предаст мучительной смерти всех жителей от мала до велика. Он прекрасно знал слабые места крепости, сам ездил на рекогносцировки с польскими и венгерскими начальниками, показывал, где удобнее атаковать.

Однако осажденные обратили внимание: раз за разом возле стен ездит князь с иностранцами. Ночью по веревке спустились воины, залегли во рву. Наутро Ярослав опять появился и приблизился к ним. Двое бойцов выскочили и проткнули его копьями. И все... Поляки, венгры, чехи озадачились. Приближалась рать старшего сына Мономаха Мстислава – а за что рисковать? Смыслом войны была поддержка Ярослава, расчеты на его «благодарность». Теперь смысл терялся. Неприятельская армия снялась и зашагала восвояси. Вот так пресекся род Изяславичей. А при этом рухнули планы превратить Русь в подобие Хазарии.

Клубок четвертый

Изяслав II и загнивание Киева

Владимир Мономах был последним государем, который своим авторитетом и силой поддерживал единство Киевской Руси. В 1125 г. он преставился, и престол унаследовал сын – Мстислав Великий. Все привыкли, что он был правой рукой отца. Но его величие было уже мнимым, а его правление – инерцией правления Мономаха. Мстиславу не хватало мудрости отца, его высокой принципиальности. Опять набрали силу столичные вельможи. Они исподволь гнули свою линию. Не Мстислав руководил ими, а они склоняли Мстислава в нужную им сторону.

По старшинству за Мстиславом должны были идти его братья. Ярополк Переяславский, слабовольный и нерешительный, он был лишь подручным Мстислава. Вячеслав Туровский – слишком склонный к спиртному. В далекой Суздальской земле – идеалист и рыцарь Юрий Долгорукий. И храбрый воин Андрей Волынский. По законам Ярослава Мудрого следовало перераспределить уделы, передвинуть братьев на более престижные княжества. Но Мстиславу хотелось получше пристроить собственных сыновей, а их было пятеро.

Причем они отличались друг от друга еще более разительно, чем братья. Достаточно сказать, что старший, Всеволод-Гавриил, и третий по счету, Ростислав Набожной, были впоследствии причислены к лику святых. А второй, Изяслав – герой этой главы. Беспринципный, склочный, циничный. Мстислав Великий не добавил братьям почти ничего. А сыновьям дал Новгород, Полоцк, Смоленск. Вышгород, Курск. Накапливались обиды.

Между тем еще раньше законы о наследовании власти оказались нарушены. Мы уже рассказывали, как Мономах призвала на престол вся Русская земля, чтобы восстановить справедливость, притушить восстания против знати и евреев. Формально больше прав на великое княжение имела другая ветвь князей – Чернигово-Северская. Но за пределами собственных владений их не любили, считали заводчиками междоусобиц. По своему политическому, моральному весу и военным силам они никак не могли тягаться с Мономахом, да и с Мстиславом Великим.

Но завязались склоки внутри этого семейства. На старшего в роду, Ярослава Черниговского, внезапно напал его племянник, дерзкий и честолюбивый Всеволод Ольгович Новгород-Северский. Перебил бояр и дружинников Ярослава, а его самого выгнал из Чернигова. Тот обратился за заступничеством к великому князю. Мстислав клялся обуздать разбойника. Но узурпатор щедро подмазал захваченными богатствами советников государя, кое-кого из духовенства. Они принялись убеждать Мстислава, что главное – избегать усобиц, и он простил Всеволода. Таким образом, на Руси был создан прецедент «права сильного», формировались центры будущих склок.

А в 1132 г. Мстислав Великий разболелся. На смертном одре он озаботился будущим сыновей. Ближайший наследник, брат Ярополк Владимирович, был явно слабоват для поста великого князя, и его уговорили заключить договор. Он получает престол, но за это будет продвигать детей Мстислава. А Мстиславичи, в свою очередь, станут его опорой. Такой договор вступал в откровенное противоречие с законами о наследовании. Но его поддерживали киевские бояре. Ведь сами они при подобном раскладе удерживали за собой ключевые посты при дворе, доходы. В общем, разыграли, как по нотам. После смерти Мстислава возгордившийся Киев без всяких княжеских съездов провозгласил государем Ярополка.

Новый великий князь взялся выполнять договор, делить лучшие города среди Мстиславичей. Однако возмутился Юрий Долгорукий. Ростово-Суздальская земля, где он правил, считалась захудалой окраиной Руси, сюда посылали младших сыновей Переяславского кня-

жеского дома. Со временем их переводили в более престижные княжества. А сейчас Долгорукого и его братьев оттесняли от Киева и от трона! Юрий несколько раз приходил на юг с дружинами. Мешал Мстиславичам занять Переяславль – третий по значению удел Руси. Закон был на его стороне. Но тут-то и вышел на историческую арену Изяслав Мстиславич.

Сперва ему достался богатый и обширный удел – Полоцкое и Минское княжества. Однако Изяслав так взялся выжимать местных жителей, что они восстали, выгнали его наместников и призвали другого князя из свергнутой полоцкой династии. Получить вместо белорусских городов Переяславское княжество ему не позволял Юрий Долгорукий. И дело было не только в Переяславле. Фактически Юрий требовал встать в законную очередь на трон, а Изяслав уже нацеливался лезть без очереди. Разозлился и задумал развернуть против дяди серьезную войну.

Отправился в Новгород. Там правил брат, Всеволод-Гавриил, но отказался затевать драку. Нет, Изяслава это не остановило. Он принялся возбуждать новгородцев через голову их князя. Взывал: защитите детей вашего любимого Мстислава Великого. Предлог выглядел благовидным, а пограбить хотелось многим. На вече постановили собирать войско. А надо вспомнить: вече в Новгороде было высшим органом власти. Всеволод-Гавриил вынужден был подчиниться и выполнять решение.

Горожане до того раскипятились, что арестовали даже митрополита, специально приехавшего предотвратить междоусобицу. И только Всеволод-Гавриил, которого обязали командовать против его воли, сумел сорвать войну. Нарочно повел полки медленно, рассчитал время, чтобы они завязли в осенней распутице. Пришлось вернуться. Нет, неудача не охладила пыл. Зимой выступили во второй поход на Суздаль. Но в первом бою дружины Долгорукого разбили новгородские авангарды, а Всеволод-Гавриил не подал им подкреплений и велел отступать. За это своевольный Новгород выгнал князя. Хотя его принял Псков. Там он до конца жизни правил мудро и справедливо. С Юрием Долгоруким установил дружбу. Как уже отмечалось, после кончины был причислен к лику святых.

В общем, первая авантюра Изяслава провалилась. Но она нарушила хрупкое равновесие на Руси! Забияка Всеволод Ольгович, захвативший Чернигов, до сих пор сидел тихо. Против клана Мономашичей выступать не рисковал. А теперь-то Мономашичи сцепились между собой! Всеволод обрадовался: почему бы не нацелиться и на Киев? Поднял родню, объявил: Мономашичи несправедливо владеют великокняжеским престолом! Ольговичи старше! Чтобы силенок было побольше, позвал половцев. Соединенное войско обрушилось на великого князя.

Государь Ярополк II не знал, за кого ухватиться. Налаживал испорченные отношения с братьями и племянниками, перетасовал и раздавал им города и земли, силясь обрести сторонников. Противникам города тоже раздавал, откупаясь после поражений. Стрессы подорвали его здоровье, в 1139 г. он отошел в мир иной. На престоле сел следующий брат, вечно нетрезвый Вячеслав Туровский. Едва отметил новоселье в Киеве, как узнал: черниговский Всеволод Ольгович ведет войско. Встал возле столицы, поджег предместье. Вячеслав даже сопротивляться не стал. Безропотно покинул дворец и уехал к себе в Туров. Там было куда спокойнее наливать медовухой и пивом.

Великим князем провозгласил себя Всеволод II Ольгович. Но и Киев он постарался задобрить. Столичным боярам сохранил их высокие посты при дворе. К прежним имениям добавил новые. А для простолюдинов устроил массовые пиры, раздачи денег, подарков. Что ж, киевлянам подобный подход понравился. Перевероты оборачивались приятной стороной. Но против узурпатора, естественно, выступили Мономашичи. Гражданская война закрутилась по второму кругу.

Итог ее определила измена Изяслава Мстиславича. От покойного Ярополка за помощь в усобицах он уже получил Волынь. Теперь стал торговаться, что ему предложат обе проти-

воборствующие стороны. Новый великий князь Всеволод II давал больше, и Изяслав переметнулся к нему. Породнился, выдав за овдовевшего Всеволода свою дочь, а за союз получил еще Переяславское княжество.

Их дуэт стал могучей силой. Противников подавили, заставили подчиниться. Власть узурпатора не признали лишь два князя – Юрий Долгорукий на северо-востоке и Владимирко Галицкий на юго-западе. Киевский государь и его тесть решили сперва покорить Прикарпатье. Изяслав очень кстати был женат на польской принцессе. Нашел и другого союзника на Западе – вторую свою дочь выдал за венгерского короля Гейзу. Позвали польских и мадьярских друзей помогать. Но Владимирко был великолепным воином, у него было много крепостей с каменными стенами, Всеволод Ольгович надолго завяз в этой войне.

А в 1146 г. он слег больным и стало ясно: не выкарабкается. Призвал к одру братьев, новгород-северских князей Игоря и Святослава. Игоря он оставлял наследником, просил позаботиться о своих детях. Но... сам же Всеволод II возвысил тестя, Изяслава Мстиславича! Вторым по могуществу лицом на Руси стал именно он, а не братья. Сейчас от него потребовали целовать крест, что он поддержит Игоря. О, такой тип, как Изяслав Мстиславич, готов был давать любые клятвы. Но имело ли смысл выполнять их? Для него альянс с Ольговичами был лишь ступенькой к воцеленному трону.

Теперь он совершил вторую измену. Приехал в Киев для целования креста Игорю, а сам завел тайные переговоры с киевскими боярами. Выработали условия, на которых столичная верхушка приведет его к власти. 1 августа Всеволод II преставился, и в самый день похорон бояре созвали вече, принялись раздувать возмущение властью покойного государя. Дескать, его чиновники обдирали народ, судили несправедливо. Правда, администрацией руководили эти же самые бояре! Ведь Всеволод II сохранил за киевскими тузами их посты. Но об этой «мелочи» умолчали, науськивали киевлян против «черниговцев». Народ взбунтовался, кинулся грабить их дворы. Новый государь Игорь II выслал дружинников усмирять беспорядки. Что и требовалось заговорщикам – посеять и разжечь среди черни ненависть к Ольговичам.

А тем временем Изяслав Мстиславич уже двинулся к Киеву с ратью. Братья Ольговичи вывели на битву киевское ополчение, но оно неожиданно перешло на сторону их противника. Игорь и Святослав с их дружинами очутились вдруг в окружении. Святослав сумел прорваться, но у Игоря II лошадь увязла в болоте. Ко всему прочему, у него были больные ноги, убежать он не смог. Его поймали, притащили к победителю. Так и кончилось его короткое княжение. Чем-чем, а великодушием Изяслав Мстиславович абсолютно не страдал. Игоря он заточил в темницу. Киевлян за предательство наградил: отдал им на разграбление дома чиновников и дружинников прошлого государя. Столичные бояре получили их села.

Несчастный Игорь оставался в тюрьме фактически ни за что. Только за то, что его назначили наследником. А верный друг у него нашелся лишь один – брат Святослав. Он начал поднимать на войну родственников во главе с Изяславом Давыдовичем Черниговским. Да уж куда там! Новый государь Изяслав II запросто обставил его. Тех же родственников он просто перекупил. Главе их клана, Изяславу Черниговскому, предложил отдать удел пленного Игоря – Новгород-Северский. Тот оказался падким до чужой собственности. Не только предал родных, а присоединился к великому князю. Два Изяслава, киевский и черниговский, вместе предъявили Святославу ультиматум: отречься от брата и отдать его княжество.

Нет, понятие чести на Руси еще не умерло. Святослав ответил: пожалуйста, возьмите хоть все владения и братовы, и мои, но освободите Игоря. Однако такой вариант не устраивал обоих Изяславов. Зачем выпускать из рук соперника? Святославу пригрозили оружием. Но он обратился... к Юрию Долгорукому. Ольгович к Мономахичу, недавнему врагу. Однако сейчас речь шла уже не о родстве, не о счетах между княжескими кланами. Обратился один благородный воин к другому благородному воину.

Что ж, Святослав не ошибся, Долгорукий сберег в себе лучшие качества русских князей. Он сохранил и величайшее миролюбие Мономаха, десять с лишним лет воздерживался от участия в усобицах. Его права Изяслав II тоже нарушил – обошел в системе наследования. Юрий даже это стерпел. Но откровенный разгул подлости и корысти возмутил его, и суздальский князь наконец-то сказал свое слово. Принял Святослава под покровительство, послал ему отряды.

На их стороне были Владимирко Галицкий, Византия, поддержала церковь. Но Изяслав II не остановился перед тем, чтобы отправить в темницу оппозиционных епископов. Устроил самочинный собор и велел духовенству избрать нового митрополита, Климата Смолятича. В общем-то, деятеля вполне достойного, монаха-схимника, настоящего подвижника. Но он был абсолютно далек от политики. Именно это устраивало государя, пускай молится и не мешает властвовать. На Галич Изяслав II натравил венгров, на Долгорукого – рязанских князей и языческое племя голядь, жившее на Протве.

А сам Изяслав II и его союзник Изяслав Черниговский с огромной ратью вступили в Северскую землю. Разоряли и грабили подчистую, не щадили даже церкви. Святослав пробовал вступить в переговоры – ему повторили прежнее требование, отречься от брата Игоря. Князь засел в Новгороде-Северском. Но и там зрела измена. Великий князь пересылался с местными боярами, им вовсе не улыбалось, что опустошаются их деревни, и они уговорили Святослава уйти. Сдали город победителям.

Изгнанный князь отступал по дремучим вятичским лесам. А государь подогрел рвение Изяслава Черниговского, трусливого и алчного. Отдал ему владения не только Игоря, но и Святослава – Путивльское княжество. Тот ринулся в погоню за двоюродным братом. Разослал среди вятичей воззвание: кто умертвит Святослава, получит вознаграждение.

Спас его Долгорукий. Выслал навстречу тысячу латников, и погоня сразу отвязалась. Святослав прорвался на территорию друга. Встретились в пограничном городишке Москве, именно с этим связано первое летописное упоминание нашей столицы 28 марта 1147 г. А по весне объединенное войско выступило на юг. Изяслав Черниговский сразу пождал хвост. Прислал посольство. Умолял: «Забудем прошедшее», отдавал обратно приобретенные области, выражал готовность вместе идти освобождать Игоря.

Но, пока разыгрывались эти события, князь-узник расхворался. Содержали его отвратительно, в сырой холодной темнице. Он чувствовал, что умирает, попросил принять монашеский постриг и схиму. Что ж, Изяслав II милостиво дозволил. После пострижения Игорь потерял сознание, восемь дней лежал как мертвый. Но потом вдруг очнулся, стал поправляться. От мира схимник полностью отошел, отдался молитвам. Тем не менее великий князь его не освободил. Держал под стражей в Федоровском монастыре, разрешал выходить только на церковные службы.

А тут дошли известия о наступлении Святослава и Долгорукого. Их вела высокая идея, спасение Игоря... не проще ли, если его не станет? Изяслав II разыграл хитро. Сам он с войсками покинул Киев, получался ни при чем. Но через несколько дней прислал грамоту. Клеймил Ольговичей как виновников всех бед. Бояре зачитали грамоту на вече, и подстрекатели забросили идею – один Ольгович сидит в Киеве! Отряды боярских слуг оказались наготове. Взвинчивая злобой народ, кинулись к монастырю. Игоря схватили в церкви во время Литургии. Замучили до смерти и бросили нагое тело на базаре.

На следующий день хоронили. Скромный чин погребения служил игумен Анания, чьим монахом был Игорь. Он не сдержал переполнявшей его горечи, воскликнул: «Горе живущим ныне! Горе веку суетному и сердцам жестоким!» – и небо потряс страшный удар грома. Это был приговор Киеву. Приговор Киевской Руси. Но горожане даже не смогли понять, что же они натворили. Убили невинного? Пожимали плечами: виноваты не мы, виноваты Ольговичи. Зачем они хотели освободить брата? А у гробницы Игоря стали про-

исходить исцеления, вскоре его причислили к лику святых. И те же горожане потянулись к нему вымаливать помощь...

Между тем Изяслав II проявил себя полководцем совсем не блестящим. Бестолково маневрировал, при переправе через Днепр по подтаявшему льду потопил пришедших к нему венгров. Но на интриги он был мастером. Наступление противников сорвал по старой схеме, натравил на Долгорукого новгородцев и смолян. Изяслава Черниговского великий князь застрашал, снова пристегнул на свою сторону. А зимой 1148/49 г. на Ростово-Суздальскую землю выступили рати со всех сторон – из Новгорода, Смоленска, Чернигова, киевские дружины. Долгорукий не вывел в поле свои полки, не хотел губить воинов в братоубийственной сече. Юрий правильно рассчитал, что враги в его земле все равно не сумеют прочно зацепиться.

Они долго ждали друг друга, чтобы соединиться. Осаждать крупные города не рисковали: застрянешь под стенами, а тебя ударят по тылам. Разорили Углич, городки по Мологе, окрестности Ярославля. Приближалась весна, распутица, и рати повернули прочь, увозя награбленное. Изяслав II угнал огромные колонны пленных: похвастаться перед Киевом, засвидетельствовать «победу». Сколько из них не дошло? Сколько заболело и умерло в талых снегах, в весенней грязи, ночуя под открытым небом? История об этом умалчивает. Но летописцы зафиксировали, сколько дошло. В столицу привели 7 тыс. русских мужиков, баб, детей, измученных, грязных, в жалких лохмотьях. А народ приветствовал триумфатора. Чего ж не радоваться? Ведь не тебя гонят под насмешки и улюлюканье! А князюшка, глядишь, расщедритя ради праздника, угостит горожан, чтобы пуще любили его и радовались...

Великий князь торжествовал слишком рано. Он растрепал силы в бесцельном походе, а Долгорукий сохранил их. На юг двинулись полки суздальцев. Присоединился Святослав Ольгович, пришли половцы. Противники сошлись под Переяславлем. И все-таки Долгорукий не желал доводить до кровопролития. Надеялся обойтись демонстрацией силы. Он вступил в переговоры. Выдвинул условия, мягче которых трудно было придумать. Прощал все обиды, нападение на свое княжество, нарушение старшинства. Соглашался, чтобы Изяслав по-прежнему властвовал в Киеве. Требовал лишь достояние отца, Переяславль, да и то не для себя, а для кого-нибудь из сыновей, а Святославу Ольговичу вернуть отнятые владения Игоря.

Не тут-то было! Великий князь не только не согласился, он арестовал посла, приехавшего с этими предложениями. Ну а коли так, Юрий приказал... отступить. Долгорукий, как православный человек, не хотел брать на себя ответственность за погибших. Конечно, князю было горько и обидно, что вооруженная демонстрация не удалась. Но он решил: лучше уж пожертвовать отцовским наследством. На закате солнца 23 августа его воины начали отход. Но Изяслав II возликовал. Неприятель боится его, бежит! Скомандовал атаку...

Напоролся он крепко. Лавина его войск бросилась вперед. А суздальцы, увидев такое дело, остановились, ошетинились копьями. Отбросили врага и ломанули в контратаку. Сборная армия великого князя стойкости отнюдь не проявила. Изяслав Давыдович с черниговцами первым помчался наутек. Переяславский полк перешел на сторону своего законного князя Юрия. Киевскую дружину смяли и уничтожили. Не хотели мира, чего же церемониться? Изяслав II кое-как вырвался из рубки, примчался в столицу, созвал бояр, приказывал готовиться к осаде. Но городская верхушка рассудила иначе. При осаде и штурме пострадает их собственность, да и простонародье любит Юрия, того гляди взбунтуется.

Бояре настояли, чтобы государь уезжал. При этом обещали: как только выпадет подходящий случай, они подсобят государю избавиться от соперника. Заверили: «Вы же знаете, нам с Юрием не ужиться»; Долгорукий укреплял у себя сильную централизованную власть, боярам такое никак не подходило. Изяслав забрал своих приближенных и покатил на Волынь. Юрий с запозданием занял по праву принадлежащий ему трон великого князя.

Народ встретил его ликованием, прослышал о справедливых порядках в Суздальской земле. А свое правление Долгорукий как раз и начал с восстановления справедливости. Выпустил из темниц епископа Нифонта Новгородского и других узников, заточенных его племянником. Освободил своих подданных, которых угнал враг. Возвратил Святославу Ольговичу наследство Игоря.

Юрий обратился ко всем князьям – в Смоленск, Чернигов, к Изяславу II на Волынь, готов был налаживать добрые отношения. Киевские бояре присягали ему на верность. Присягали, заведомо условившись ударить в спину. Такие вещи столичную знать уже не смущали. Почему бы не чмокнуть крест, если надо?.. Бояре-то прекрасно знали: Изяслав не смирится. Он и не смирился. Западные короли были у него в родственниках. Они отозвались дружно. Дело выглядело стоящим, благородным: пройти по Руси, пожить, получить в награду пару-тройку городов.

Венгерский Гейза прислал Изяславу 10 тыс. всадников, князь наwerbовал немецких наемников, а чешский Владислав и польский Болеслав Кудрявый самолично привели армии. Короли и князья веселились, пировали, Болеслав по католическому обряду посвящал изяславовых дружинников в рыцари. Изгнанный государь принципиальностью в Вере совсем не отличался, его западные друзья притащили на Русь своих епископов и священников. А войну считали приятной прогулкой: когда их полчища появятся под Киевом, неужели Долгорукий не испугается и не удерет?

Но Юрий выступил навстречу. Причем под его знаменами поднялась вся Русь. Короли занервничали, прогулка получалась не столь уж безобидной. Объявили, что выступают лишь посредниками. Что ж, Долгорукий дал им возможность выкрутиться. Поблагодарил, отправил подарки, но потребовал уйти: без вас разберемся. Изяслав II, оставшийся без чехов и поляков, все равно открыл боевые действия. Но его разбили, осадили в Луцке. Он вынужден был смириться, признал себя «виновным». А Юрий отнесся к племяннику милостиво. Сохранил ему Волынь, добавил еще и доходы с Новгорода.

Однако вокруг Долгорукого уже организовался заговор. Киевские бояре на переговорах вдруг вспомнили его старшего брата, свергнутого пьянчужку Вячеслава Туровского! На него уже никто внимания не обращал. Теперь же бояре озаботились: законный претендент на престол именно он. Идею подхватили Изяслав Черниговский и тот же Изяслав II: ну конечно, он и есть законный! Долгорукий уже владел Киевом. Но крамольники знали его характер и рассчитали правильно. При такой постановке вопроса суздальский князь-идеалист даже не подумал спорить. Вячеслав и впрямь был старшим, и Юрий уступил. Взял себе только Переяславль, а Киев предоставил брату. Пожалуйста, вот тебе великое княжение...

Умиленный Вячеслав первым делом приказал выкатывать бочки киевлянам и сам прочно засел за накрытыми столами. Как и ожидалось, дела он пустил на полный самотек. Бояре спокойненько, без помех взялись готовить переворот в пользу Изяслава II. Но Долгорукий узнал, что замышляется. Он поспешил предотвратить беду. Свел Вячеслава с трона, посадил княжить в спокойном и почетном Вышгороде, а правление снова взял на себя. Хотя тем самым он подставился! Его обвинили в нарушении договора!

Изяслав II уже сформировал новое войско, призвал венгров и внезапно нагрянул к Киеву. Его сторонники в городе поджидали, подняли мятеж. Долгорукий бежал. Обрадовался было Вячеслав, прикатил в столицу: племянник-то вступился за него! Но ему без обидных советов убраться вон. Князь обиделся, нетрезво упирался, даже сел в сенях дворца и отказывался уходить. С ним не церемонились, вытащили силой.

Война покатила туда-сюда. Простой народ чтит и поддерживал Юрия. Стоило ему привести войско, как крестьяне и горожане сами пригоняли лодки, перевозили его через Днепр, и Изяславу приходилось спасаться бегством. Но столичной знати и удельным князьям Долгорукий был совершенно не по шерсти. Его предавали, обманывали, не извещали о

передвижениях врага, и в собственной стране он оказывался «слепым». А Изяслав посылал братьев и сыновей к венграм, приглашал иностранные полчища. Внезапно появлялся у стен Киева, в столице выступали заговорщики, и скрываться был вынужден Долгорукий.

Юрий был последним, кто старался возродить прошлую Русь, единую и могучую. Именно за это его любили простые люди. Но такой Руси больше не существовало. Бояре и князья были готовы драться только за собственные выгоды, подачки, за соблазн пограбить. Киевская чернь развратилась. Раньше она истребляла оккупантов, бунтовала против несправедливости. Сейчас бунтовала, когда ее подпоят и приплатят. Радостно приветствовала Юрия, а сразу вслед за этим восторженно встречала Изяслава с чужеземцами: каждый раз он устраивал праздники, выкатывал бочки меда, раздавал мелкие деньги, тешил подданных зрелищами венгерских рыцарских турниров. А если рыцари после турнира развлекутся, перепробуют чьих-то жен и дочерей, так это же мелочь, не убудет...

А в 1151 г. Изяслав II придумал выигрышный ход: позвал многократно выгнанного дядю Вячеслава и согласился признать его великим князем. Давай, мол, забудем все обиды, тебе первое место, а мне второе. Тот растрогался, заливался слезами, объявил племянника «сыном». Но «сын» четко оценивал истинные возможности «отца». Вячеслав на радостях взялся задавать пиры киевлянам, произносить перед ними душевные речи – во хмелю это получалось очень прочувствованно. А реальная власть осталась у Изяслава и бояр. Зато народ сбили с толку, престол возвратили законному государю, Изяслав теперь выглядел бескорыстным поборником правды.

Решающая битва разыгралась под стенами Киева. На помощь Изяславу II явились его друзья – венгры, берендеи, черные клобуки, – жгли и грабили свои же монастыри и усадьбы вокруг столицы. Под его знамена перешло и большинство удельных князей. Юрий Долгорукий был разбит. Пытался отступить на запад, на соединение с Владимирком Галицким. Но его догнали и разгромили еще раз.

Юрий укрылся в Переяславле, и победители продиктовали ему условия: самому уйти в Суздаль, а уделы в Поднепровье, Переяславле и Городце оставить своим сыновьям. Но его обманули. Едва Долгорукий увел поредевшие дружины, города были захвачены, сыновей выгнали. Переяславль Изяслав II прибрал для себя, а Городец разрушил, сжег дома, церкви, срыл валы, и даже место перепахали как «проклятое».

Казалось, что власть Изяслава утвердилась. Вместе с королем Гейзой он растрепал союзника Юрия, Владимирка Галицкого. А потом Владимирко умер. Его юный сын Ярослав попытался примириться. Направил послов к великому князю, соглашался повиноваться ему, «как отцу», приводить по его приказам галицкие полки. Не тут-то было! Смерть Владимирка окрылила Изяслава II. Неужели трудно будет сокрушить мальчишку и забрать Галицию в полную собственность? Киевская рать с отрядами родственников хлынула на запад.

Но и галичане поднялись как один. Сшиблись у стен Теремовля. Рубили и давили друг друга целый день, измотались и разошлись. Великий князь был в шоке. Вместо ожидаемой легкой победы его войско катастрофически поредело. Опасались, что галичане на следующий день сами перейдут в атаку, и Изяслав II струсил, приказал отступить. В Галицкой земле его воины набрали изрядное количество пленных, но государь велел оставить только бояр, за которых можно получить выкуп. Всех остальных перерезать... Вот такое на Руси было впервые! Не в бою, не в пылу мятежа, а хладнокровно, по расчету, русский великий князь пустил под нож тысячи русских людей! Впрочем, Изяслав II всегда был близок с западными монархами, а в Европе подобное было не редкостью.

Изяслав II о совершенном злодеянии как-то и не задумывался. Не удалось Галичем овладеть, это и в самом деле казалось обидным. А возиться с пленными ему было, в общем-то, некогда. Он спешил на собственную свадьбу. Ему нашли на Кавказе и уже везли по Днепру редкостную красавицу, абазинскую княжну. Киев его ничуть не осудил. Какое там осуж-

дать! Ведь предстояли новые торжества, гуляния и попойки – встреча князюшки из похода, встреча невесты, свадьба. А Изяслав подданных всегда жаловал, самолично посещал народные пиршества, поднимал кубок с простыми киевлянами. Можно ли не любить такого властителя?

Столичные летописцы его расхваливали, величали «господином добрым», «отцом», «благословенной отраслью доброго корня». И подобные славословия тоже были приговором Киевской Руси. Ее уже не было, она уже умерла, хотя и не осознавала этого, праздновала и веселилась... Но то ли проклятия убитых галичан настигли князя, то ли невеста оказалась слишком горячей для пожилого супруга, сразу после женитьбы он занемог и испустил дух.

Клубок пятый

Русский исход и Мстислав Волынский

До XII в. Русской землей называли территорию нынешней Украины. Юрий Долгорукий обижался на племянников, что его пытаются «лишить доли в Русской земле». Его княжество, Ростово-Суздальское, именовалось вовсе не Русской, а «Залесской землей». Но усобицы, охватившие Южную Русь, были страшными. Князья предавали друг друга, опустошали владения соперников. Приводили с собой иноплеменников – половцев, венгров, поляков, торков, берендеев. Полыхали и рушились города, стирались с лица земли деревни. Воины вознаграждали себя добычей, угоняли караваны невольников. Гребли жирный гешефт работоторговцы в Херсонесе, Керчи, Бude, Кракове...

Кстати, в это время в летописях впервые промелькнул термин «украина». Его относили к Переяславскому княжеству. Оно располагалось на левом берегу Днепра, на границе с половецкой степью. Когда-то оно было богатым, процветающим. Мы уже упоминали, что по своему значению оно числилось третьим после Киевского и Черниговского. Но в усобицах по его территории туда-сюда катались княжеские рати и степняки. Княжество совершенно разорили, и его начали называть «украиной», то есть окраиной.

А люди стали уходить. Причем уходили самые энергичные, умелые, трудолюбивые. Те, кто хотел мирно жить и работать. Сохраняли память о брошенной родине, приносили на новые места привычные названия. Появлялись города-двойники. Если южный Переяславль на реке Трубеж приходил в упадок, то на Оке возник Переяславль-Рязанский, на Клецином озере – Переяславль-Залесский, в каждом городе одна из речушек получила имя Трубеж. На юге был Кснятин, и на севере, у впадения Нерли в Волгу, построили Кснятин, на юге был Стародуб, и на Клязьме появился Стародуб. Страшному опустошению подверглось и Прикарпатье. Наряду с карпатским Галичем в заволжских лесах возник Галич-Мерьский, наряду с карпатским Звенигородом – Звенигород на Москве-реке.

Но жирел и Киев. Его никто не разорял! Наоборот, его задабривали, перед ним заискивали – претенденты на великокняжеский престол договаривались со столичными боярами, склоняли на свою сторону чернь. Поили ее, устраивали раздачи. Сюда стекалась добыча воинов, и богатели купцы, скупавшие ее. Возродился и заново расцвел иудейский квартал, ликвидированный Мономахом. Сменяющимся государям требовались деньги, они расплачивались уступками. Победители в междоусобных драках пригоняли на продажу пленных, работоторговля снова стала в Киеве развитым и уважаемым промыслом.

После смерти Изяслава II преемника определили не князья, а киевские бояре. Пригласили из Смоленска его брата Ростислава Набожного. Но ограничили его власть, выставили целый список условий. Чтобы он сохранил главенство марионеточного дяди Вячеслава, сохранил прежнее положение и привилегии самих бояр, принес в этом присягу – не бояре князю, а князь им! Ростислав сперва согласился, но через пару месяцев, в начале 1155 г., Вячеслав слишком крепко посидел за столом, организм старика не выдержал, и он преставился.

А тут объявился и другой претендент на власть, Изяслав Давыдович Черниговский. В прежние времена он о Киеве даже мечтать не смел, пристраивался к тому, кто посильнее. Но сильные уходили из жизни, тронотом торговали бояре, почему было не попробовать? Он нанял тучи половцев, связался со столичной верхушкой. Платил щедро, обещания давал еще щедрее. Бояре оказались не против. Изяслав им оказался ближе, чем Ростислав Набожной: он был слишком честным и принципиальным. Ожилились и удельные князья. Сын Изяслава

II Мстислав Волынский, такой же склочный, как его отец, принялся торговаться: что ему отвалит за помощь в усобице?

Но Ростиславу Набожному все это было глубоко противно. Его уже достала грязная атмосфера в Киеве, ему были отвратительны интриги. Губить людей в очередной драке он не пожелал. Хочется сидеть на престоле – сидите. Ростислав отказался от великого княжения и уехал к себе в Смоленск. О, столица с восторгом встретила Изяслава III. Знать получила нужные ей пожалования, чернь – дармовое пойло. Вот только похмелье было неприятным. Как гром грянуло известие: идет Долгорукий!

Два года суздальский князь тихо сидел у себя в Залесье, но в начавшейся свистопляске встрепенулся... Причем Юрия неожиданно поддержал Ростислав Набожный. Раньше сражался против него по приказам старшего брата, а сейчас видел, что управлять страной достоин именно он, Долгорукий. Ростислав привел к нему смоленское войско, прибыл и старый друг – Святослав Ольгович с северцами. Изяславу III послали сказать: давай-ка, княже, освободи место. Он робко возражал: дескать, не сам занял престол, его киевляне возвели. Но сражаться кишка была тонка. Отправился назад в Чернигов, и 20 марта 1155 г. в Киев торжественно вступил Юрий Долгорукий.

Казалось, что сбываются его планы о возрождении единой Руси. Самые сильные князья признавали его. Только Мстислав Волынский противился, «веселился убийствами и враждою», сжег города на Горыни, но Юрий простил его ради общего примирения, оставил ему Волынь. Восстановил каноническое управление церковью, сместил неправомочно поставленного митрополита Климасмолятича, из Константинополя прислали митрополита Константина, он благословил Юрия и проклял память Изяслава II.

И только старший сын Долгорукого, св. Андрей Боголюбский, оставался в тревоге. Он один из немногих понимал, насколько обманчив блеск разлагающегося Киева. Насколько чужды столице он сам и его отец. Чувствовал, что добром дело не кончится. Его тянуло уехать. Долгорукого поражали подобные мысли сына. Они же победили! Возвратили себе по праву высшее положение на Руси. И вдруг уехать? Это было совершенно дико. Он посадил Андрея княжить рядом с Киевом, в Вышгороде, быть помощником. Но тот укреплялся в мысли: надо уходить.

Толчок дал совершенно необычный случай. В Вышгороде, в женском монастыре находилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы, по преданию написанная св. Евангелистом Лукой. Однажды обнаружили, что она стала выходить из киота. Ее возвращали на место, а наутро киот оказывался пустым, икона находилась отдельно. Андрей воспринял это как знак. Сама Пресвятая Богородица хочет уехать! Отпрашиваться у отца он больше не стал. Взял чудесный образ Божьей Матери, позвал всех желающих и в конце 1155 г. двинулся в дорогу.

Когда Долгорукий узнал о поступке сына, он «негодоваша на него велми», слал вслед гонцов, требовал одуматься. Но Андрей ехал дальше. По пути люди узнавали, куда направляется колонна, и многие тоже присоединялись. Там, в неведомых краях, наверное, будет лучше, а князь никому не отказывал. По бескрайним снегам, сквозь заносы и метели, на север тянулся огромный обоз. Колыхались в седлах воины, шагали монахи, священники, землепашцы, ремесленники. На повозках, среди нехитрого скарба сидели закутавшиеся жены с детишками. Это был Исход Руси. Сама Русь уходила на север, в новую Землю Обетованную. А во главе колонны везли на санях икону Пресвятой Богородицы – она вела народ за собой. Она и ее слуга – князь Андрей. Задумывался ли он, что становится русским Моисеем?.. Сама Владычица явилась Андрею во сне. Указала, что место Ее иконы во Владимире. Она и стала называться Владимирской.

Отец вскорости простил самовольный уход сына, но его дурные предчувствия, увы, оправдались. Долгорукий проявил себя очень хорошим властителем. Летописец уважи-

тельно отмечал, что при нем «тишина бысть». Два года мира и порядка казались для Южной Руси невероятным достижением! Но именно попытки государя установить порядок были знати поперек горла. Столичных хищников и изменников великий князь отстранил от высших постов, назначил своих доверенных суздальцев. Стоит ли удивляться, что местная знать настраивала киевлян против «чужих», стоваривались с врагами Юрия?

Два главных смутьяна, черниговский Изяслав Давыдович и Мстислав Волынский, заключили союз, втихаря собирали войско. Переворот разыграли как по нотам. В 1157 г. на пиру у боярина Петрилы Долгорукого отравили. Как только он умер, городская верхушка устроила погром, бросила чернь на дворцы, на дома «суздальцев». Приманка – лучше не придумаешь: грабь, режь, насилуй! Ох, разгулялись, оттянулись в полную волюшку! Прибрахлились, натешились, напились из дворцовых погребов. А всего через четыре дня в Киев вступала дружина Изяслава III Давыдовича. По дворам еще валялись растерзанные трупы, а горожан звали на торжества и угощения. Ох, любо, ох, весело!..

Известия о трагедии докатились до Залесья. Но Андрей не стал поднимать рать. Он поступил так, как до него не поступал никто. Созвал первый в истории Земский собор: духовенство, бояр, представителей Ростова, Суздаля, Владимира и других городов. А на соборе от всей своей земли он принял титул великого князя. Прежде на Руси великое княжение однозначно подразумевало обладание Киевом – Андрей одним махом перечеркнул традицию. Киевляне сажают на престол великих князей, так и пусть живут с ними. Андрей Боголюбский демонстративно отмежевался и от прежней столицы, и от всей прежней государственной системы. Он провозглашал рождение новой Руси – северной.

Начал отстраивать новую столицу, Владимир – большую и красивую. Князь недвусмысленно подчеркнул ту роль, которую готовил своему детищу. Речки во Владимире получили названия киевских – Лыбедь, Почайна, Ирпень. Наметив обводы валов и стен, Андрей по-киевски обозначил ворота – Золотые, Серебряные. А для привезенной чудотворной иконы приказал возводить великолепный собор Успения Божьей Матери. Как раз в честь Успения были освящены киевская Десятинная церковь, храм Печерского монастыря. Но и во Владимире возник монастырский Печерный городок. Андрей мечтал перенести во Владимир все лучшее из Киева, но отсеять худшее.

А юг приходил в упадок. Слабый и трусливый Изяслав III Давыдович пытался купить сторонников, раздавая им города. Но в результате остался с одним Киевом, и с государем совсем перестали считаться. Русь рассыпалась. Ближайшие и самый сильный союзник, Мстислав Волынский, изменил великому князю, прогнал из столицы. В дальнейших драках Изяслав III был убит. Но теперь уже и столичная верхушка смекнула, что надо найти более авторитетного правителя. Вторично пригласили на царство смоленского Ростислава Набожного.

Хотя смутьяны не переводились. Мстислав Волынский урвал огромные пожалования и от Изяслава III, и от Ростислава Набожного. Но ему казалось мало, он начал задираться с великим князем, примериваться к столичному трону. Зато с Андреем Боголюбским у Ростислава Набожного сложились отличные отношения, у них было много общего. Ростислав тоже порывался бросить Киев, хотел постричься в монахи, но митрополит и печерский игумен Прокопий уговаривали его остаться: честный Ростислав отдавал себя служению Руси, а что будет без него?

В это же время Северная Русь на глазах усиливалась и расцветала. По сути, произошло чудо. Совсем недавно Залесский край считался захудалым окраинным придатком страны, а всего за 5–7 лет он превратился в могучую державу, возвысился над прочими русскими землями. Так еще раз сбылись слова Священного Писания: «Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла; это от Господа и есть дивно в глазах наших». «И кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит».

Но добавились и международные интриги. Ведь Русь была тесно связана с Византией, структуры Церкви у них были едиными. А политика Византии резко менялась. Император Иоанн Комнин пытался опираться на союз с Русью. Он поддерживал Юрия Долгорукого, выдал за него замуж дочь Анну. Греческие митрополиты и епископы на Руси старались мирить убоицы. Но Иоанн умер, и престол занял его сын Мануил Комнин. Он был ярким западником. Широко принимал на службу иностранцев, давал им высокие посты при дворе, в армии, правительстве. Внедрил в стране западные моды, европейские законы и модели управления. Запустил в Византию итальянских купцов. Налоги отдал на откуп итальянцам и евреям.

Но и политику он повел европейскую. Западная Европа в это время разделилась на два враждующих лагеря. Гвельфы поддерживали верховенство римского папы, гибеллины – германского императора. Фридрих Барбаросса сражался с папой и его сторонниками за власть над Римом. Мануил, наоборот, принял сторону папы. Не только взялся оказывать ему военную и финансовую помощь, но и повел переговоры об объединении церквей. Соглашался подчинить Ватикану Константинопольскую патриархию, пожертвовать Православием, подправить церковные догматы и обряды. А за это папа должен был поддержать Мануила, чтобы он утвердился в Италии, расширил свою империю на другие европейские страны.

Он нацелился подмять Венгрию, проталкивал на престол греческих ставленников, вторглся с войсками, подкупал местных баронов. Но за Венгрией лежала Русь. А греки еще со времен св. Владимира числили киевских князей подданными императора! Конечно, такое подданство оставалось чисто формальным. Но в Византии о нем никогда не забывали. Если православные, если окормляются Константинопольской патриархией, значит, подданные.

Мануил вынашивал планы добиться уже не формального, а реального подчинения Киева. Сделал ставку на Мстислава Волынского. Этот честолюбец нацеливался на великое княжение и за помощь был готов на все. А кроме того, важнейшим орудием Византии оставалась церковь! Ростислава Набожного принялись окручивать исподтишка через греческое духовенство. Но появление на севере новой самостоятельной державы, Владимирского великого княжества, серьезно беспокоило греков.

Константинопольская патриархия и киевский митрополит начали перестановки в церковных структурах. Под разными предлогами снимали русских епископов, заменяли греками. К Боголюбскому отправили нового епископа, Леона. Он оказался в большей степени агентом, чем служителем церкви. С ходу занялся конструированием заговора.

В Суздале жила вдова Долгорукого Анна Комнина – сестра императора Мануила. С ней были дети Василько, малолетние Михаил и Всеволод. К ней перебрались и некоторые дети Долгорукого от первой жены, Мстислав и Ростислав, потерявшие уделы в южных убоицах. Вся эта публика, оказавшаяся вокруг Анны, была недовольна Боголюбским. Утверждала, что Северная Русь по традиции должна принадлежать младшим наследникам. Или нужно ее поделить на всех родственников. Подобные настроения поддержала значительная часть бояр. С малолетними князьями им было бы куда удобнее, чем с Боголюбским. А епископ Леон стал двигателем заговора. Он взялся доказать, что Боголюбский не только узурпатор, но еще и нечестивец.

Это совпадало с общей линией Константинопольской патриархии. В свое время русские перенимали многие церковные обычаи от болгар, они кое в чем расходились с греческими. Например, пост по средам и пятницам смягчался, если попадал на великие праздники. После Пасхи и Рождества устанавливались «сплошные седмицы», без однодневных постов. У греков послаблений не позволялось, в среду и пятницу строго постились в любом случае. Подобные различия вызывали споры еще в XI в., русскую практику постов отстаивал св. преподобный Феодосий Печерский. Но до конфликтов не доходило, расхождение-то было мелким. Если новообращенные русские приучались хоть как-то поститься, это уже было

успехом. Ну а теперь сама патриархия не могла похвастаться принципиальностью, римскому папе она соглашалась уступить по всем пунктам. Зато Русскую церковь требовалось раздавить, и сплошные седмицы сочли подходящим предложением, объявили «ересь».

В 1163 г. Рождество Христово приходилось на среду. Епископ был приглашен к Боголюбскому за праздничный стол, увидел мясные блюда и учинил скандал, обвинил князя во всех грехах. Анна с частью бояр, братья великого князя Василько и Мстислав неожиданно оказались поборниками строгих постов, выставляли Боголюбского еретиком. Однако серьезной поддержки они не получили, а раздуть смуту государь им не позволил. Действовал мягко, но решительно, просто выслал всех из своей державы.

У Боголюбского имелся собственный кандидат в епископы, священник Федор. Его послали к грекам для рукоположения. Но и Ростислав Набожной понимал, что в церкви неладно. В Киеве как раз скончался митрополит, и великий князь попросил поставить русского, Клим Смолятича. Разъяснял, что раньше его поставили неправильно, но вообще он вполне достойный кандидат. Послы Набожного и Боголюбского нашли императора Мануила Комнина в воинском лагере, он сражался с венграми. Сюда же приехал с жалобой изгнанный епископ Леон. Но императора их приезд поставил в крайне затруднительное положение. В условиях войны он никак не хотел ссориться с русскими. Поэтому признал Леона виноватым, а просьбы о поставлении Клим и Федора обещал выполнить. Дескать, скажет патриарху, и все будет нормально.

Это было заведомой ложью. Выполнять своих обещаний Мануил не собирался. Но Боголюбский окрылился. Федор действовал уже как нареченный епископ. Во Владимирской Руси ввели несколько новых праздников – 1 августа в честь победы над волжскими болгарами установили праздник в честь Всемилоственного Спаса и Пресвятой Богородицы. 1 (14) октября учредили праздник Покрова Пресвятой Богородицы. В Ростове нашли нетленные мощи св. мученика епископа Леонтия, убитого язычниками. Установили его почитание. Составлялись замечательные духовные произведения – Житие св. Леонтия, Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери, Служба на Покров Пресвятой Богородицы, Слово похвально на Святый Покров. Во владимирских летописях и церковных службах отразилось то, чего не было в киевских: идея собирания Руси. Пресвятую Богородицу молили защитить людей своим Покровом «от стрел, летящих во тьме разделения нашего».

Но время шло, и Ростислав Набожной счел, что в Византии просто забыли о его просьбе насчет Клим Смолятича. В 1165 г. он направил в Константинополь повторное ходатайство. Но киевские послы встретили вдруг на Днепре нового митрополита – Иоанна, назначенного без всякого согласования с великим князем. Ростислав возмутился, протестовал, но к нему хором обратились и император, и патриарх. Оба рассыпались в извинениях, ссылались на случайные накладки и заверяли, что впредь такого не повторится. Хотя на самом деле, Иоанн прибыл с тайными полномочиями. Его нацелили на стратегическую задачу – разгромить русскую национальную церковь, целиком подчинить грекам.

Обычай смягчать в праздники посты по средам и пятницам новый митрополит официально заклеил как «ересь». Праздники, введенные Боголюбским, отверг. Не признал даже прославления св. мученика Леонтия. Развернул яростную кампанию против Киево-Печерского монастыря. Епископа Леона полностью оправдал, направили обратно на Ростовскую кафедру. Первый наскок не удался, Боголюбский опять выгнал его. А в Киеве Русскую церковь взял под защиту Ростислав Набожной. Настоятель Печерского монастыря Прокопий был его наставником и другом, государь часто приглашал его во дворец вместе с монахами, мечтал самому принять постриг в его обители. Митрополиту пришлось притормозить нападки, а то как бы и его не выставили.

Но Ростислав был уже стариком. Жить ему оставалось недолго, к этому заблаговременно готовились. У столичной знати и митрополита интересы оказались общими, совмест-

ными усилиями они продвигали Мстислава Волынского, византийского ставленника. Обhajивали Набожного, доказывали: Мстислав самый сильный князь, если престол достанется другому, опять разразится война! Государю предлагали комбинации: Мстислава надо сделать наследником, а он в благодарность поддержит сыновей Набожного, даст им дополнительные города. В общем, уговорили.

В начале 1167 г. государь скончался. В Киеве объявили его «последнюю волю» и пригласили на трон Мстислава II. Правда, его знали на Руси далеко не с лучшей стороны. Напакостил он уже немало, у него нашлись противники. Но он призвал поляков и пришел в столицу с большим иноземным войском. А в качестве властителя Мстислав II проявил себя крайне алчным. Договоренности с покойным Ростиславом Набожным сразу похерил. Договаривался-то не он, а киевские бояре от его имени. Ожидаемых городов он Ростиславичам не дал. Мало того, нацелился отобрать их владения.

Организовал переворот в Новгороде, выгнал оттуда сына Набожного, Ростислава. Двоих других, Давыда и Рюрика, пригласил в гости в Киев, приготовив для них камеры в темнице. Среди киевских бояр нашлось двое честных, предупредили братьев. Но если не удалось захватить их подлостью, то Мстислав вознамерился воевать с ними. Однако у Ростиславичей имелся сильный покровитель – Андрей Боголюбский. Он остался верен памяти Набожного, открыто заявлял, что готов заменить отца его сыновьям.

Зато Мстислава II подпирала Византия, и она сказала свое слово. Умершего митрополита Иоанна сменил Константин, который повел себя еще более радикально, чем предшественник. Как бы и не заметил безобразий в Новгороде, беззаконий Мстислава II. Напротив, взялся оказывать ему всемерную поддержку. Но греческая церковь развернула вдруг мощную кампанию травли Боголюбского! Его обвиняли в ереси. Подключился сам патриарх Лука Хризотерг. Настаивал, чтобы Боголюбский принял изгнанного Леона, порвал с «самозванцем» Федором и отослал его на суд митрополита, а в противном случае угрожал Андрею и всей Владимирской земле... отлучением от церкви.

Вот тут уж было от чего опешить! Государя, который каждый свой шаг соизмерял с Православием, которого патриархия совсем недавно расхваливала за строительство храмов и монастырей, эта же патриархия готова была объявить вероотступником, отторгнуть от христианства понастроенные им города и храмы! Обдумав ситуацию, Боголюбский решил все-таки послать Федора в Киев. В конце концов, с приговором митрополита можно будет поспорить, найти сторонников среди русского духовенства. Да и насколько осмелится митрополит осудить священника, за которым стоит могущественный государь?

Но он осмелился. Ведь он тоже действовал не сам по себе, им руководили патриарх и император, его прикрывал Мстислав II! Имея такую опору, стоило ли опасаться Владимирского великого князя? Удар как раз и нацеливался именно по нему, по Боголюбскому. В Константинополе давно полагали, что он слишком занесся, его надо проучить и поставить на место. Над Федором устроили показательную расправу. Обвинили в самозванстве, ереси, вывалили кучу грубейшей лжи. А учреждение праздника Покрова, рассказы о том, как Пресвятая Богородица помогала Боголюбскому и его подданным, квалифицировали ни много ни мало как «хулу» на Царицу Небесную.

Мстислав II и митрополит отправили Федора в кандалах в Византию и подвергли мучительной казни. Это была еще одна пощечина Боголюбскому. Его подданного и приближенного покарали на территории империи руками греческого палача. Так кто настоящий властитель над Русью? Одновременно с расправой над Федором митрополит Константин взялся подчинять грекам Киев. Запретил службы в Печерском монастыре и отлучил от церкви игумена Прокопия – за «ересь», за русскую практику постов.

Православных подвижников отлучали и казнили, а в это же время в Киев ехала делегация римского папы Александра III! Византийского союзника! В начале 1169 г. великий князь

Мстислав II и митрополит торжественно встретили миссию из Ватикана. Латиняне прибыли заключать союз! Русским предстояло послать войска в Европу, драться против Германии за интересы папы. Послов чествовали на пирах, митрополит двумя руками благословлял предприятие. Мстислав II уточнял: сколько приплатят союзники за русскую доблесть и кровь? Но столь многообещающие переговоры пришлось срочно свернуть. На Киев шло войско Боголюбского...

Владимирский государь был очень сдержанным человеком. Он оставил без ответа убийство отца, истребление суздальцев в Киеве. Но поругания Русской церкви он не стерпел. Командование полками он поручил сыну Мстиславу Андреевичу. Присоединились другие обиженные Мстиславом II. Собралась армия одиннадцати князей! А Киевский великий князь внезапно обнаружил, что друзей у него... нет. Греки и поляки были далековато, а князья, даже и не выступившие против него, защищать его не пожелали. Полки со всей Руси обложили столицу.

Киевляне были в общем-то спокойны. Они привыкли к собственному особому статусу: грабили и жгли другие города, а перед ними заискивали, их ублажали. Они даже не усердствовали оборонять свой город. Кому хочется схлопотать стрелу? Осаждающие, как обычно, вступят в переговоры со столичной верхушкой, определят, кому из князей править, на каких условиях... Но Андрей Боголюбский видел в Киеве не вожака, а уродливую химеру, соблазняющую Русь иллюзией величия, видел плацдарм чужеземцев. Он преднамеренно «опустил» Киев.

Мстислав Андреевич получил от отца четкие наставления, как ему действовать. Высмотрел слабые места, убедился в нерадивости защитников. На третий день осады, 8 марта 1169 г., отборный отряд неожиданным броском ворвался в город и открыл ворота. Мстислав II ускакал. А с Киевом сын Боголюбского поступил так же, как победители поступали с «обычными» городами, отдал его на трехдневное разграбление. Тут-то и проявилось, сколько же он напакостил остальной Руси, сколько обид накопилось на Киев у суздальцев, переяславцев, полочан, рязанцев, северцев. Набросились с огромным удовольствием.

Впрочем, гнев Боголюбского обрушился не на весь город. Печерский монастырь и дома некоторых граждан владимирские воеводы взяли под охрану. А остальные расплачивались за прежнюю сладкую жизнь. Победители набивали телеги и выюки несметной добычей. Набирали сколько хочешь пленных. Разве не вы и не ваши близкие резали суздальцев, наживались на бедах других княжеств? Пировали за их счет, продавали и покупали чьих-то жен и детей, равнодушно взирали на пленных русских невольников? Так почему вы должны быть исключением? Попробуйте то же самое. С этим соглашались и летописцы, признавали, что Киев пострадал справедливо, за грехи его жителей и «митрополичью неправду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.